

КАЛУГИН

Крыца

ВЕСТНИК СМЕРТИ ★

Алексей Калугин
Вестник смерти

«ЭКСМО»

2000

Калугин А. А.

Вестник смерти / А. А. Калугин — «Эксмо», 2000

В руки Антипа, деревенского парня из Белоземья, случайно попадает обладающий магической силой нож, принадлежавший когда-то вестнику смерти, представителю могущественного клана беспощадных убийц. Эта находка в корне меняет жизнь Антипа. Под угрозой неминуемой расправы он вынужден пуститься в странствия по Бескрайнему миру, в ходе которых знакомится с историей своей планеты, пережившей ужасный катаклизм из-за прорыва запредельной реальности. Антип общается с хранителями древних тайн, постепенно овладевает боевой магией попавшего в его руки страшного оружия и сам становится его очередной жертвой...

© Калугин А. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Калугин

Вестник смерти

Глава 1

Нож был отменный.

Исключительный ножичек.

Второй такой поискать. Да и то вряд ли отыщешь.

Цельнометаллический. Кованный. С прямым обоюдоострым клинком. Рукоятка из двух плотно перекрученных и чуть сдавленных с боков металлических штырей. Лезвие прочное, но гибкое. Настолько, что, надавив на кончик, можно было коснуться им узкого, едва выступающего за рукоятку ограничителя. Но только отпустишь – и клинок снова прямой, готовый по рукоятку войти в дерево. Или в живую плоть...

Антип нашел нож среди корней огромного пня, который ему с трудом удалось вывернуть из земли. Полдня он с ним промаялся. Но благодаря чудесной находке время оказалось потрачено не зря. Сколько лет пролежал нож в земле, а выглядел как новый. Сталь поблескивала на солнце – ни единого ржавого пятна.

Сунув нож за голенище сапога, Антип перешел к следующему пню.

Вот уже вторую декаду он на пару с отцом занимался расчисткой делянки под новое ячменное поле. К работе приступили сразу, как только убрали урожай, рассчитывая управиться до первого снега. Отец собирал с поля камни и вывозил их на телеге, Антипу же досталась корчевка пней. Работа была непростая – старые, почерневшие от времени и дождей пни упрямо цеплялись за землю своими мертвыми, но все еще крепкими корнями. Некоторые были такими здоровенными, что и вдвоем не обхватишь. Чтобы выкорчевать такой пень, его нужно было сначала подрвать и обрубить уходящие в землю корни. Затем снова копать и снова рубить. И так до тех пор, пока пень не начнет качаться, словно гнилой зуб. Тогда отец выпрягал лошадь из телеги и привязывал к ее сбруе веревки, которые Антип обматывал вокруг пня. Лошадь тянула, а Антип с отцом, подогнав с другой стороны под основание пня толстые колья, разом наваливались на них. Медленно, со скрипом, вылезал пень из земли. Порою Антипу казалось, что пень упирается как только может, не желая расставаться с насиженным местом, на котором провел всю свою жизнь – сначала молодым ростком, затем могучим деревом, а под конец торчащим из земли обрубком, в котором как будто все еще теплится жизнь: жуки там разные да муравьи роют свои ходы, строят дома в старой, но все еще надежной древесине.

Работа, что и говорить, не из легких. Да только Антипу она в радость, вроде забавы какой. Месяца не прошло, как стукнуло парню двадцать. А здоровьем и силой Создатель его не обделил. Хотя по виду и не скажешь. Роста Антип среднего, сложения худощавого. Зато кость у него широкая, а жилы – крепкие. Лицо у Антипа необычное для сельского жителя – узкое, вытянутое книзу, с острым подбородком, тонкими губами и прямым носом. Некоторую неправильность лицу придают темно-карие глаза, слишком близко посаженные к переносице, из-за чего кажется, что левый немного косит. Густые черные волосы Антипа отстрижены коротко, так, чтобы уши не закрывали.

До вечера Антип выкорчевал еще пару пней, размерами поменьше того, под которым нашел нож. Когда начало смеркаться и отец сказал, что на сегодня довольно, Антип распрягнул коней и довольно улыбнулся. Поработали они в этот день на славу. Да и неожиданная находка, спрятанная за голенище сапога, радовала душу. Собственно, только ради того, чтобы похвалиться перед приятелями найденным ножом, Антип не пошел вместе с отцом домой, а направился напрямик в шинок, что стоял на краю села.

До околицы Антип доехал на телеге вместе с отцом. Спрыгнув возле колодца, он ненадолго задержался, чтобы вымыть руки и ополоснуть лицо.

Слева от двери шинка уже горел зеленый фонарь, который Кривой Ван, следуя какой-то своей заморской традиции, вывешивал каждый вечер. На вопрос, зачем он это делает, Ван отвечал, что зеленый свет отпугивает неприкаянные души, бродящие по земле в ночном мраке. Над Ваном посмеивались: это ж надо, чего удумал, фонариком призраков отгонять. Но поскольку еда и питье в шинке всегда были отменные, а сам по себе зеленый фонарь посетителям не мешал, никто даже и не пытался заставить хозяина шинка снять его с притолоки – раз кому-то нравится, так и пусть горит.

Народа в шинке пока еще было немного – сидели в углу только трое пришлых мужиков, подрядившихся старику Мигуну новый свинарник к зиме отстроить. Судя по тому, что больше времени они проводили не на строительстве, а в шинке, до первого снега им было не управиться.

Сев за длинный стол, где обычно собиралась сельская молодежь, Антип подозвал к себе девушку, помогавшую Кривому Вану в шинке, и велел принести большую тарелку горячего борща, кусок свинины, зажаренной на вертеле, и кружку ледяного пива. Заказ был незамедлительно доставлен. Все было именно таким, как и хотел Антип: над тарелкой с борщом поднимался густой ароматный пар, свинина была мягкой, не пересушенной, слегка приправленной острым соусом, а кружку пива, покрытую испариной, украшала высокая пенная шапка – Кривой Ван уважал своих гостей.

Заправив борщ сметаной, Антип принялся за еду. Кусок хлеба от буханки, что лежала на столе вместе с редисом, помидорами и огурцами, которых можно было брать сколько пожелаешь, Антип отрезал своим новым ножом. После этого он отхватил кусок мяса, положил его на ломоть хлеба, а нож воткнул справа от себя в столешницу.

К тому времени, когда Антип доел борщ, в шинке появились новые посетители. По большей части это были местные жители либо сезонные работники, сумевшие найти работу в Устыни. Вскоре появились и те, кого ждал Антип: Карпач, Степка-лунь и Ощипень. Четвертым в их компании был Харлам. Вот уж кого Антип совершенно не желал видеть! Ни сегодня, ни в любой другой день. При том, что сам Харлам ничего собой не представлял, гонору и спеси у него было столько, что хватило бы на десятерых. А все потому, что семейство его было одним из самых зажиточных в Устыни. Так не Харлама же в том была заслуга, а отца да деда его, что, как и все, от рассвета до заката спину горбатели!

Заметив Антипа, Харлам сразу же заулыбался, мерзко так, с ехидцей. Между ними и прежде-то особой дружбы не было, а после того, как этим летом оба разом глаз положили на девушку Мару из соседнего селения Околово, так и вовсе волками стали друг на друга смотреть. Если Антип, будучи по жизни спокойным и уравновешенным, старался просто не замечать своего соперника, то Харлам при виде Антипа ярился что есть мочи и никогда не упускал возможности задеть его побольнее. В последнее время Харлам взял привычку вспоминать о том, как пару лет назад Антип, подрядившись вычистить свинарник у его отца, едва не утонул в навозной яме. Если бы рядом не оказалось двух баб, которые и кинули Антипу веревку, так и сгинул бы парень в вонючей жиже. Казалось бы, с кем не бывает? Ну, оступился, не устоял на краю ямы! Так нет же, Харлам каждый раз рассказывал эту историю с новыми подробностями, всякий раз выставляя Антипа все большим разиней и бестолочью.

Неспешно отодвинув от себя пустую тарелку, Антип взялся за кружку с пивом и стал медленно пить, наблюдая поверх края за Харламом с приятелями. Харлам же прямым ходом направился к тому месту, где сидел Антип. Ощипень, Степка-лунь и Карпач двинулись следом за ним. У этой-то троицы с Антипом отношения нормальные, делить им промеж собой нечего, просто любопытно парням посмотреть, чем все это закончится. В прошлый раз Антип с Харламом сцепились так, что пятеро мужиков еле их растащили.

– Как жизнь, свиной потрох? – Встав напротив Антипа, Харлам хлопнул обеими ладонями по столу и подался вперед, ощерив зубы в улыбке, похожей на оскал, которую сам он считал неотразимо-мужественной. – Давненько тебя видно не было.

– Отвали, Харлам, – поставив недопитую кружку на стол, процедил сквозь зубы Антип. Сегодня у него не было никакого настроения снова выяснять с Харламом отношения.

– А что так? – чуть склонив голову налево, прищурился Харлам. – Устал сильно? Целый день коряги из земли тягал? Думаешь, на новом поле урожай богаче будет?

– Тебе-то что за дело! – мрачно буркнул Антип, чувствуя, как внутри у него закипает злость.

– Ну как же! – удивленно вскинул брови Харлам. – Эдак ты, глядишь, в скором времени так разбогатеешь, что собственную навозную яму заведешь. А значит, – Харлам снова язвительно осклабил, – не станешь больше к нам заходить, чтобы в нашей искупаться.

Парни за спиной у Харлама дружно загоготали.

Злость, как хмельное пиво, ударила Антипу в голову. Да с такой силой, что он и сам не сразу понял, что произошло. Правая рука Антипа словно бы сама собой выдернула из столешницы нож и развернула его острием в сторону Харлама. Харлам в испуге дернулся было назад, но Антип поймал его левую руку за запястье и снова прижал ладонью к столу. Лезвие ножа метнулось к горлу Харлама. Антип чувствовал, что все происходит помимо его воли, словно не рука его несла нож к горлу противника, а сам нож тянул за собой податливую руку. За миг до того, как нож должен был войти в горло Харлама, Антип дернул руку в сторону, и острие только слегка оцарапало кожу на шее перепуганного парня. Но в следующий миг нож вновь проявил свою волю и, падая вниз, вонзился в прижатую к столу Харламову ладонь. С невероятной легкостью пробив насквозь доски, нож вошел в стол по самую рукоятку.

Харлам завизжал так, словно с него живьем сдирали кожу. Степка-лунь, Карпач и Ощипень, оторопев, стояли у него за спиной, не зная, что делать. Драки среди сельчан были не редкостью, но до поножовщины дело никогда прежде не доходило.

Кривой Ван подскочил к столу сразу же, как только понял, что происходит что-то неладное.

– Выдерни нож! – взмахнув рукой, в которой у него было зажато полотенце, приказал он Антипу.

Антип послушно выполнил приказание. Лезвие ножа вышло из досок так же легко, как и вошло в них. Когда Антип взглянул на него, ему показалось, что лезвие блестит еще ярче, чем в тот момент, когда он достал нож из-под корней огромного пня. И, что удивительно, на ноже не осталось ни единого пятнышка крови.

Харлам, продолжая истошно вопить, вскинул изуродованную руку вверх, перехватив ее в запястье другой рукой.

– Хватит орать-то! – прикрикнул на него Кривой Ван.

Схватив раненую руку Харлама, Ван быстро обернул ее полотенцем, которое тотчас же покрылось пятнами пропитавшей ткань крови.

– А вы что стоите! – гневно глянул Ван своим единственным глазом на приятелей Харлама. – Ведите его к Тарасу, да поживее! Лекарь знает, что с его рукой делать!

Ощипень и Степка-лунь быстро подхватили Харлама под локти и потащили к выходу.

Возле самых дверей Харлам оглянулся через плечо и со слезами в глазах злобно крикнул Антипу:

– Ну, погоди, Антипка! Скоро поквитаемся!..

Возле стола замешкался ненадолго только Карпач, да и того Кривой Ван быстро выставил за дверь.

Сорвав с пояса фартук, Ван торопливо прикрыл им кровавое пятно на столе.

– Все! На сегодня шинок закрывается! – взмахнув руками, объявил Кривой Ван. Глянув на Антипа, он тихо добавил: – А ты оставайся на месте.

Все произошло настолько быстро, что мало кто из находившихся в шинке успел понять, что же, собственно, случилось. Вроде как повздорили молодые парни между собой, да и все дела. Эка невидаль. А вот заявление Вана вызвало недовольный ропот среди мужиков, собравшихся в шинке, чтобы нескучно провести вечер в стороне от жен. Однако спорить с Ваном было бесполезно.

Чтобы никто не затаивал на него обиду, Кривой Ван поставил всем находившимся в шинке по бесплатной кружке пива, после чего еще раз настойчиво попросил разойтись.

Когда последний посетитель, что-то недовольно ворча в бороду, вышел из шинка и в обеденном зале остался только Антип, Кривой Ван быстро закрыл дверь на засов. Подойдя к стойке, он наполнил пивом две кружки и, привычно держа их в одной руке, подошел к столу, за которым все так же, с ножом в отведенной в сторону руке, сидел Антип. Перешагнув через скамью, Ван сел напротив Антипа. Одну кружку пива он поставил перед собой, другую подвинул парню.

– Я не знаю, что на меня вдруг нашло... – подняв затуманенный взор на шинкаря, удрученно произнес Антип. – Я не хотел этого делать! – с искренним отчаянием воскликнул он.

– Я знаю, – глядя Антипу прямо в глаза, спокойно ответил Ван.

– Так что же это!..

Антип хотел было в отчаянии всплеснуть руками, но Кривой Ван опередил его, сделав предостерегающий жест.

– Воткни-ка ножик в стол, – сказал он, указав на дальний конец стола.

Антип наклонился и с размаха ткнул нож в доску. Когда он отпустил его, нож остался стоять вертикально, хотя лишь самый кончик острия вошел в дерево. Антип удивленно посмотрел на нож, затем перевел взгляд на Кривого Вана.

– Пей пиво, Антип, – кивнул ему шинкарь.

Сам же Ван, оперевшись на руки, подался вперед и, наклонив голову так, что щека едва не коснулась досок стола, стал внимательно рассматривать нож. Закончив осмотр, он снова опустился на скамейку и, подняв кружку, сделал из нее несколько больших глотков.

– Знатный ножик, – сказал Ван, поставив кружку на стол. – Где взял?

– Да сегодня днем нашел, – с какой-то полудетской обидой на того, кто этот нож когда-то потерял, ответил Антип. – Когда пень выкорчевывал. Под самыми корнями.

Кривой Ван досадливо цокнул языком и грустно покачал головой.

– И не хотел я Харламу руку резать! – с досадой хлопнул ладонью по столу Антип. – Сам не пойму, как это получилось!

– Еще бы, – процедил сквозь зубы Ван и уже во второй раз посоветовал парню: – Ты пей пиво-то.

Антип схватил стоявшую перед ним кружку и залпом наполовину опорожнил ее. Пиво оказалось самым крепким из всех сортов, что имелись у Вана. Антип такого никогда прежде даже и не пробовал.

– Я так понимаю, тебе неизвестно, что это за нож и кому он принадлежал прежде? – взглядом указав на воткнутый в стол нож, спросил Кривой Ван.

– Откуда? – удивленно пожал плечами Антип.

Кривой Ван мрачно кивнул и, взяв кружку, сделал еще несколько глотков пива.

– А, ладно, – сказал он, ставя кружку на стол. – Нет у меня ни малейшего желания ввязываться в эту историю, но кто-то ведь должен тебе все рассказать. Иначе дел понаделаешь, да и себя в конце концов угробишь.

– Что ты должен мне рассказать? – непонимающе посмотрел на Вана Антип.

– Это нож вестника смерти, – медленно, давая парню время понять и оценить каждое услышанное слово, произнес Кривой Ван.

– Вестника смерти? – повторил следом за ним Антип.

– Точно, – уверенно кивнул Кривой Ван. – Можешь не сомневаться. Мне такой нож уже как-то раз доводилось видеть. И, поверь уж мне, парень, я этого никогда не забуду.

Кривой Ван мрачно усмехнулся и как бы невзначай коснулся двумя сложенными вместе пальцами зеленой повязки, перечеркивающей его лицо в том месте, где должен был находиться левый глаз.

– Ты слышал про вестников смерти, парень? – спросил он у Антипа.

– Да кто ж про них не слышал, – пожал плечами Антип. – Только я полагал, что в наши места они не заходят.

– Вестника смерти можно встретить в самом глухом уголке Бескрайнего мира, – возразил ему Кривой Ван. – Они идут туда, куда зовет их долг.

– Долг перед кем? – спросил Антип.

– Долг перед смертью, – ответил Ван. – Все они давно уже пережили отведенный им век и остаются живыми только потому, что сами несут смерть.

– Но я слышал, что вестники смерти убивают не всех подряд, а только тех, кому смерть уже предначертана судьбой, – сказал Антип.

– Верно, – согласился с ним Кривой Ван. – Говорят, что где-то среди Диких гор стоит древнее капище, выстроенное в незапамятные времена в честь божества, имя которого давно уже всеми забыто. И есть в том капище алтарь. Вот к нему и приходит вестник смерти, чтобы узнать имя своей очередной жертвы. После этого вестник смерти не знает покоя до тех пор, пока не приведет приговор в исполнение. И нет у вестника смерти иного оружия, кроме его ножа, – Ван взглядом указал на нож, воткнутый в край стола, – с которым он никогда не расстается.

– Выходит, это не я, а сам нож пропорол Харламу руку? – с затаенной надеждой спросил Антип. – Выходит, я здесь ни при чем?

– Нож без направляющей его руки не способен причинить вреда, – покачал головой Кривой Ван.

– Но я не хотел этого! – воскликнул Антип.

– Правильнее будет сказать, что, не оказавшись у тебя в руке ножа вестника смерти, ты сам никогда бы не решился на такое, – возразил ему Ван. – Нож, почувствовав твою злость на Харламу, заставил тебя взять его в руки, а затем указал тебе цель. После многих лет забвения он вновь почувствовал кровь и стал еще опаснее. Теперь он будет убивать всех, к кому ты испытываешь хотя бы просто легкую неприязнь. Представляешь, совершенно незнакомый человек случайно заденет тебя плечом, а ты в ответ на это выхватишь нож и воткнешь его обидчику в живот.

Антип с опаской посмотрел на нож, словно это было живое существо, способное само по себе, без посторонней помощи, причинять зло.

– Нет, – уверенно качнул головой Антип. И еще раз повторил: – Нет! Я не стану этого делать! Ведь даже вестники смерти не убивают всех подряд.

– Потому что у вестника смерти нет ни чувств, ни эмоций, – возразил ему Кривой Ван. – Смысл жизни для него заключается в том, чтобы нести смерть. Только поэтому он способен контролировать свой нож.

– В таком случае я больше не прикаснусь к этому ножу! – решительно заявил Антип.

– Слишком поздно, – безнадежно покачал головой Кривой Ван. – Взяв нож в руку и напив его кровью, ты привязал его к себе.

– Но я не хочу убивать!

– Мы не властны над Судьбой, – беспомощно развел руками Кривой Ван.

– Я выброшу нож в реку!

– Его найдет кто-нибудь другой, и первой его жертвой станешь ты.

– Так что же мне теперь делать?! – Не то в отчаянии, не то со злостью взмахнул руками Антип.

– У тебя есть два пути, – медленно произнес Кривой Ван. Прежде чем продолжить, он взял со стола кружку и допил оставшееся в ней пиво. – Ты можешь сам стать вестником смерти или же должен вернуть нож вестнику смерти.

– Тому, который его потерял? – спросил Антип.

– Того, кто потерял этот нож, скорее всего давно уже нет в живых, – усмехнулся Кривой Ван.

– Значит, я могу отдать его любому другому вестнику смерти?

– Верно, – кивнул Ван.

– И где же мне его искать?

– Бескрайний мир велик, – широко развел руками Кривой Ван. – Вестника смерти можно встретить там, где ты и сам этого не ожидаешь.

– Бред какой-то... – Антип наклонился вперед и крепко прижал ладони к лицу, словно как в детстве желая отгородиться от всего мира – огромного и пугающе-непонятного. – Я всю свою жизнь только тем и занимался, что отцу в поле да по хозяйству помогал, – сказал он, снова посмотрев на Кривого Вана. – Дальше Устоя нигде не бывал. И что же, теперь из-за ножа, который пролежал в земле незнамо сколько лет, я должен идти искать какого-то там вестника смерти?

– Такова твоя Судьба, – с бесстрастным выражением на лице ответил ему Кривой Ван.

– Нет, – снова покачал головой Антип. – Никуда я из села не пойду. Завтра же утром найду Харлама и объясню ему, как все произошло...

– Тебе сейчас не о Харламе думать нужно, – не дал ему договорить Кривой Ван. – Ты думаешь, тебя оставят в покое после того, как по селу разнесется весть о том, что у тебя появился нож вестника смерти?

– Я спрячу нож.

– Этот нож нельзя спрятать. – Кривой Ван тяжело вздохнул и качнул головой, дивясь непонятливости Антипа. – Теперь ты и он – единое целое. Забрать нож у тебя может только сам вестник смерти.

Антип снова взглянул на нож.

– А если я уйду и оставлю нож здесь? – спросил он у Вана. – Что произойдет?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Но лучше и не пробуй.

– Почему?

– Начнем с того, что я не позволю тебе уйти из шинка, оставив нож здесь.

– А откуда в селе станет известно, что нож у меня? – прямо посмотрел на шинкаря Антип. – Ты расскажешь?

– Расскажу, – не стал отпираться Кривой Ван. – Мне, как и любому другому, такое соседство не по душе. Да и без того, что Харлам и его приятели расскажут о ноже, которым была нанесена рана, многие догадаются, что это был за нож.

– Не думаю, что многие в нашем селе встречались с вестником смерти, – с сомнением покачал головой Антип.

– Молод ты еще, парень, – усмехнулся Кривой Ван. – Каждый человек хотя бы раз в жизни встречается с вестником смерти. Только не всякий будет рассказывать об этом.

– И что же, многие после такой встречи остаются живыми? – удивился Антип.

– Вестник смерти убивает только того, за кем пришел, – ответил Ван. – Другие ему без надобности. И если кто-то случайно оказался рядом...

Кривой Ван умолк, не закончив фразу, словно вспомнил что-то такое, о чем не следовало говорить при посторонних.

– У тебя еще есть время, – сказал он Антипу уже совершенно иным голосом. – Пойди домой, с отцом посоветуйся. Он у тебя человек неглупый, глядишь, что-нибудь да подскажет.

Антип молча кивнул. Взгляд его при этом был устремлен не на собеседника, а на гладко выструганные и отполированные речным песком желтоватые доски стола.

– Еще пива хочешь? – спросил Кривой Ван, давая тем самым понять, что сказал уже все, что собирался.

Все так же молча Антип отрицательно покачал головой. Затем он медленно поднялся на ноги, перешагнул через скамейку и подошел к краю стола, в который был воткнут нож вестника смерти. Секунду помедлив, он протянул руку к ножу. Кованая рукоятка легла в ладонь настолько удобно, что Антип почти не чувствовал ее прикосновения к коже.

– Постарайся без нужды не доставать его, – произнес за спиной у Антипа Кривой Ван.

Для того чтобы выдернуть нож из доски стола, Антипу не пришлось приложить никакого усилия – нож сам стремился вернуться к своему новому хозяину. Остро заточенное, тонкое, как игла, острие блеснуло, словно далекая звезда, когда Антип наклонился, чтобы сунуть нож за голенище.

Уже в дверях Антип обернулся.

– Где ты потерял свой глаз, Ван? – спросил он у неподвижно замершего возле стола шинкаря.

– Не задавай вопрос, если знаешь, что все равно не получишь на него ответ, – ответил ему Кривой Ван.

Антип молча кивнул и вышел в ночную тьму.

Кривой Ван быстро подбежал к двери и с поспешностью, которая могла бы показаться излишней, задвинул засов.

Глава 2

Пока Антип добирался до дома, хмель из его головы повыветрился, и, еще раз как следует обдумав все то, что рассказал ему Кривой Ван, парень решил пока никому ничего не говорить.

В Устыни Кривого Вана все считали своим, хотя и был он человеком пришлым. Сколько Антип себя помнил, всякий раз, заходя в шинок, он видел за стойкой широкое лицо одноглазого хозяина, непременно улыбающееся, с оттопыренными ушами, широкими скулами и большими, выступающими вперед зубами. Как-то еще мальчонкой Антип спросил у отца, почему шинкарь не похож на других жителей села, на что отец, улыбнувшись, ответил, что Кривой Ван пришел в Устынь из таких далеких земель, о которых даже в Устое никто не слыхивал. Что заставило Кривого Вана покинуть родной дом и отправиться на поиски лучшей доли в чужие земли, никто не знал – шинкарь был человеком приветливым и разговорчивым, но все, что хотя бы косвенно касалось его прошлой жизни, до того, как обзавелся он в Устыни шинком, Кривой Ван аккуратно обходил в разговорах стороной, а на прямые вопросы отвечал какой-нибудь шуткой. Потребовалось не так много времени, чтобы коренные жители Устыни перестали заводить с Кривым Ваном разговоры о его прошлом. Ну, раз не хочет человек об этом говорить, так что ж к нему приставать попусту! От шинкаря что требуется – чтобы пиво было хмельным, а борщ наваристым. А с этими своими обязанностями Кривой Ван справлялся отменно. Старики говорили, что лучшего шинкаря в Устыни отродясь не было.

И все же Кривой Ван был чужаком. А, следовательно, как у чужака, у него могли иметься какие-то свои, непонятные местным жителям соображения. Так, по крайней мере, казалось Антипу, когда он раздумывал над словами шинкаря. Все правильно, никогда прежде сельчане не кидались друг на друга с ножами, какой бы острый спор между ними ни заходил. То, что произошло сегодня в шинке, событие, выходящее из ряда вон. Антип ведь вовсе не хотел сегодня ввязываться в перепалку с Харламом, а получилось так, что руку парню покалечил. Что тому стало причиной? То, что пиво у Кривого Вана слишком крепкое? Или сам Антип был нынче уставшим больше обычного, наломавшись с неподатливыми пнями? Или как-то уж очень зло и больно зацепил его сегодня Харлам? А может, и вправду ножик всему виной?..

Антип усмехнулся криво и головой покачал. Нелегко будет убедить соседей в том, что не злой умысел, а всего лишь глупое стечение обстоятельств привело к трагедии в шинке. Но еще труднее будет заставить их поверить в то, что виной всему был нож вестника смерти, найденный Антипом под корнями старого пня.

Придя к такому выводу, Антип решил на время забыть о разговоре с Кривым Ваном, да и вообще обо всем, что произошло сегодня в шинке. Быть может, рука Харлама повреждена не так сильно, как показалось вначале, когда все, кто это видел, включая и самого Антипа, просто испугались одного только вида крови. Глядишь, все само собой уляжется. Ну а ежели нет, так придется повиниться и прилюдно просить у Харлама извинения. Обидно, конечно, особенно если принять во внимание то, что Харлам сам начал к Антипу в шинке приставать, а все лучше, чем идти неизвестно куда разыскивать вестника смерти, как советует Кривой Ван.

Порешив на том, Антип забрался в чердачное окошко сеновала, зарылся в свежее душистое сено и, не сказать, чтобы совсем спокойно, но все же довольно-таки быстро заснул.

Проснулся он с петухами, когда на востоке только занимались первые отсветы зари.

Умывшись на пруду, Антип неслышно, чтобы никого не будить, зашел в дом через скотный двор. В погребе он нашел кувшин холодного молока и кусок сыра, а на полке – краюху хлеба: достаточно, чтобы перекусить с утра. Заметив, что Антип ушел спозаранку, не позавтракав как следует, отец принесет ему еду в поле.

Наскоро прожевав хлеб с сыром и запив его молоком, Антип прихватил топор с веревкой и отправился в поле. Ему не хотелось дожидаться пробуждения родителей и расспросов по

поводу того, как он провел вчерашний вечер. А ежели им уже известно о том, что вчера в шинке он ножом пригвоздил ладонь Харлама к столу, так тем более будет лучше вначале переговорить с отцом с глазу на глаз, узнать, что он обо всем этом думает.

Добравшись до делянки, которая на сегодняшний день была намечена под расчистку, Антип скинул рубаху и с остервенением принялся рубить корни первого попавшегося пня. Он надеялся, что работа поможет ему забыть обо всем, что случилось вчера, и то, о чем говорил ему Кривой Ван.

И ему это почти удалось.

Антип работал без перерыва не меньше часа, останавливаясь лишь изредка, чтобы обтереть пот с лица. Конец его могучим, но по большей части совершенно бессмысленным трудам положило появление отца, прибывшего, как и полагалось, на телеге, запряженной гнедой лошадью. Воткнув топор в комель пня, Антип распрямил спину и настороженно посмотрел в сторону отца, стараясь уже по одному его виду догадаться, известно ли чего отцу о случившемся.

Отец не спеша слез с телеги, распряг лошадь, привязал ее к корням вывороченного из земли пня и только после этого повернулся и посмотрел на Антипа из-под густых черных с проседью бровей.

– Ты почему дома не ночевал? – ворчливо пробасил он.

– Я на сеновале спал, – натянуто улыбнулся Антип, отметив про себя, что отец давно уже не интересовался, где проводит ночи его взрослый сын.

– А почему ушел без завтрака? – задал новый вопрос отец.

– Я перекусил хлебом с молоком, – ответил Антип.

– Держи, – отец протянул сыну корзину, в которой находилась глубокая миска, полная пшенной каши с кусками отварного мяса, свежий огурец, краюха хлеба и большая деревянная ложка.

Усевшись на пень, Антип принялся за еду.

Отец присел на корточки неподалеку от него и, сорвав длинную травину, прикусил зубами кончик.

– Ко мне сегодня утром Кривой Ван заходил, – произнес он негромко, глядя куда-то в сторону, словно вовсе не к сыну обращаясь.

Ложка замерла в руке Антипа.

– Рассказал? – спросил он, сразу же потеряв всякий интерес к еде.

– Рассказал, – кивнул отец и на этот раз пристально посмотрел в глаза сыну. – Ты почему сам-то мне ничего не сказал?

– А что тут говорить? – Антип поставил миску с недоеденной кашей обратно в корзину. – Харлам давно уже у меня напрашивался. А вчера... Нож случайно под рукой оказался, ну я и ткнул его в руку... Сам не пойму, как все это получилось...

– Я не о том, – недовольно поморщился отец. – Кривой Ван тебе сказал, что это нож вестника смерти?

– Ну, сказал, – недовольно буркнул Антип.

– Давай-ка без «ну», – строго глянул на него отец.

– Сказал, – потупил взгляд Антип.

– А ты что?

– А что я? – растерянно хлопнул глазами Антип. – Мне-то откуда было знать, что это за нож?

Отец недовольно дернул подбородком, цокнув при этом языком.

– Нож у тебя с собой?

– Да.

Антип потянулся за ножом, но отец остановил его, быстро вскинув руку в предостерегающем жесте.

– Не торопись, – сказал он. – Вынимай нож медленно и аккуратно.

Антип вытащил нож из-за голенища и поднял руку с ножом на уровень пояса.

– Теперь воткни нож в дерево, – велел отец.

Антип поднялся на ноги и воткнул нож в тот же пенек, на котором сидел.

Отец осторожно приблизился и, не прикасаясь к ножу, внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Так и есть, – сказал он, вновь отходя на безопасное расстояние. – Это нож вестника смерти.

– Ты видел его прежде? – удивленно посмотрел на отца Антип.

– Если не этот же самый, то точно такой же, – ответил отец.

– Где? – недоумевающе вскинул брови Антип.

– Я видел, как умер твой дед, – сухо ответил отец.

– Так, значит, ты и вестника смерти видел?

– Нет, – отрицательно качнул головой отец.

– Как же так? – разочарованно развел руками Антип. – Нож видел, а вестника смерти – нет?

– Я видел только то, что мне было позволено увидеть, – все так же сухо, но при этом еще и чуть раздраженно ответил отец.

Антип понял, что задавать новые вопросы на эту тему не следует. По крайней мере, сейчас.

– Убери нож, – велел отец.

Антип послушно вытащил нож из дерева и снова спрятал его за голенище сапога.

– И не доставай его без нужды, – добавил отец.

– Мне об этом Кривой Ван уже говорил, – огрызнулся Антип.

– Я смотрю, ты не очень-то прислушивался к тому, что тебе говорил шинкарь, – недовольно проворчал отец.

– А что там было слушать, – пожал плечами Антип.

– А надо было бы послушать, – резко перебил его отец. – Кривой Ван дело тебе говорил.

На это Антип ничего не ответил. Если Кривой Ван разговаривал с отцом, то, наверное, сказал ему, что посоветовал Антипу отправиться на поиски вестника смерти.

Отец тяжело вздохнул, сел на землю, сложив ноги перед собой крестом, и провел обеими руками по волосам, откидывая их назад.

– Раз не стал слушать, что тебе Кривой Ван говорил, послушай, что я расскажу.

Антипу показалось, что слова эти отец произнес с невероятным трудом. Он присел на корточки напротив отца и приготовился слушать.

– Про этот нож мне еще твой дед, когда был жив, рассказывал, – не спеша начал отец. – Ему было около тридцати, когда повстречал он вестника смерти, пришедшего в наше село. И пришел он за жизнью его жены.

– За бабой Катей? – не смог удержаться от удивленного возгласа Антип. – Она же до сих пор жива.

– Верно, – кивнул отец. – К тому же дед твой женился поздно, а потому и меня еще по ту пору на свете не было. И не родиться бы мне, если бы вестник смерти выполнил то, зачем пришел в Устьень.

Отец тяжело вздохнул и надолго умолк. Он сидел, нервно покусывая травинку и глядя в сторону горизонта, где поднимался лес. Но что видели на самом деле его глаза, устремленные в даль давно прошедших времен, можно было только догадываться.

– Так что же произошло? – не выдержав тягостного молчания, спросил Антип.

Отец едва заметно вздрогнул и посмотрел на сына.

– Мой отец и твой дед не любил об этом вспоминать. Я услышал от него эту историю всего раз, когда... – Отец оборвал фразу, словно боялся сказать что-то лишнее, после чего заново начал рассказ уже с другого места. – Говорят, что порою даже вестник смерти устает нести людям смерть. И тогда он позволяет очередной своей жертве убить себя своим же ножом. Скорее всего твой дед столкнулся именно с таким случаем. Чтобы спасти свою жену, твой дед убил вестника смерти. По неписаным законам жизни и смерти после этого он должен был сам стать вестником смерти либо вернуть нож одному из них. Но твой дед поступил иначе. Не вынимая нож из тела мертвого вестника смерти, дед погрузил его на телегу, отвез к Запрудам да там и утопил в реке. Он надеялся, что на этом история будет закончена, но, как выяснилось позднее, ошибался.

Отец снова сделал паузу, и на этот раз Антип не стал ее прерывать. Парень молча и неподвижно, как зачарованный, сидел и ждал, когда отец продолжит свой рассказ.

– Мне было около десяти лет, когда твой дед умер, – сказал отец, отбросив в сторону изжеванную травину. – Я нашел его в поле с ножом в спине. Нож был точно такой же, как и тот, что спрятан у тебя за голенищем. Я коснулся пальцами железной рукоятки ножа, и она показала мне теплой, словно ее только что выпустили из руки. Отец был уже мертв, и я побежал домой, чтобы рассказать о случившемся матери. Когда мы вернулись к месту происшествия вместе с соседскими мужиками, отец лежал на прежнем месте, но нож из его спины бесследно исчез. На его рубаше не было пятен крови, а на теле – никаких следов ножевого ранения. Когда я принялся уверять всех собравшихся, что ясно видел нож, по рукоятку загнанный в спину отца, меня принялись успокаивать, думая, что от горя у меня помутилось в голове. Мужики решили, что отца хватил удар, когда он работал в поле. А что еще им оставалось думать? Но я-то знал, что моего отца убил нож вестника смерти, и это была расплата за то, что он совершил десять лет назад.

– Но чья рука держала нож, убивший деда? – спросил Антип.

– Этого я не знаю, – покачал головой отец. – И, думаю, мы никогда уже этого не узнаем. Есть тайны, которые лучше даже и не пытаться разгадать. В то время, когда все это произошло, мне, признаться, даже не приходил в голову вопрос, который ты задал. Я посчитал, что, поскольку жертва принесена, история, начавшаяся с убийства вестника смерти, завершилась. Какое-то время я еще жил в нервном ожидании, что некто неизвестный явится и ко мне, чтобы получить по счету, – ведь я тоже коснулся рукоятки проклятого ножа. Но ничего не происходило. Вскоре я успокоился и зажил обычной жизнью: выстроил собственный дом, женился, тебя вот родил. Мне казалось, что с нами ничего больше не может случиться, потому что нож вестника смерти исчез бесследно. Но теперь стало ясно, что я ошибался.

– Ты хочешь сказать, – брови Антипа сошлись у переносицы, – что нож, который я нашел вчера, это тот самый нож, каким сначала дед убил вестника смерти, а потом оказался заколот сам?

– Ножи, подобные тому, что ты нашел, просто так на земле не валяются. – Губы отца изогнулись в кривой, напряженной усмешке. Лицо же его при этом по-прежнему оставалось мрачным, как небо в пасмурный день. – Проклятие, постигшее наш род, проявилось через поколение.

– И что теперь?

Антип хотел просто задать вопрос, но в голосе его сама собой прозвучала плохо скрытая обида: почему он должен был расплачиваться за то, что совершил дед, когда его самого еще и на свете не было? Впрочем, Антип тут же сообразил, что если бы в свое время дед позволил вестнику смерти довести до конца то, что он намеревался сделать, то отец Антипа, а следовательно, и сам Антип так и остались бы нерожденными. Что стало бы тогда с их душами? Нашли бы они земное воплощение в иных телах или же покинули бы навсегда Великое Колесо

Жизни? Ответа на этот вопрос не существовало. По крайней мере, в том виде, в каком они были бы понятны человеку, не посвященному в дела и помыслы Создателя.

– Одно я могу сказать тебе точно, – ответил отец на вопрос Антипа. – Просто выбросив этот нож, ты не избавишь от его проклятия ни себя, ни своих будущих детей.

– Значит, я должен отправиться на поиски вестника смерти, – угрюмо произнес Антип, мысленно уже почти смирившись со своей судьбой.

– Мы тут с Кривым Ваном подумали малость, – задумчиво провел ладонью по волосам отец, – и решили, что можно попробовать оставить нож при себе. Просто держать его в ларце каком, в безопасном месте, да время от времени, когда нет никого рядом, брать его в руку. Для того, чтобы нож не забывал тебя, иначе он начнет призывать к себе нового хозяина, который первым делом должен будет расквитаться с тобой за то, что ты пренебрег своим долгом.

– Долгом перед кем? – спросил с искренним недоумением Антип.

– Долгом перед смертью, – ответил отец, повторив почти дословно то, что сказал Антипу вчера Кривой Ван. – Этот проклятый нож оставил тебя в живых только для того, чтобы ты стал его хозяином.

– Новым вестником смерти?

Отец молча наклонил голову, продолжая глядеть на сына из-под бровей.

– В таком случае мне и в самом деле лучше уйти из села, – произнес Антип так, словно окончательное решение уже было принято.

– Не пори горячку, – осадил его отец. – Попробуем сначала просто спрятать нож.

Антип молча пожал плечами, давая понять, что считает такое решение не особенно удачным, но тем не менее перечить отцу не собирается.

– Поработаем до полудня, а потом я съезжу в село, – продолжил отец. – Посмотрю, что там да как. Послушаю, что говорят в шинке насчет вашей с Харламом вчерашней ссоры.

– Кривой Ван говорил, что расскажет всем о том, что у меня нож вестника смерти, – угрюмо сообщил отцу Антип.

– Кривой Ван сделает это только тогда, когда поймет, что нож берет над тобой власть и ты превращаешься в вестника смерти, – ответил отец. – Он обещал мне это, и я верю ему.

– Ну, если так... – Антип снова пожал плечами.

– Я обернусь часа за два, – вернулся к первоначальной теме отец. – Тогда и решим, что дальше делать. Сам в село пока не ходи. Обед я тебе привезу. Понял?

Антип молча кивнул.

– Ну а раз понял, так и разговор весь. – Отец решительно поднялся на ноги. – Пора за работу приниматься. Я вижу, ты здесь до меня уже успел сковырнуть несколько пеньков...

Работа закипела.

Как и накануне, Антип подкапывал пень и обрубал корни, а отец, привязав пень к лошади, вытягивал его из земли и оттаскивал в сторону, где уже была свалена целая куча уродливых обрубков, бывших некогда могучими, полными жизни деревьями.

За работой время до полудня прошло незаметно. И ни разу отец с сыном даже словом не перемолвились о вчерашнем происшествии в шинке.

Антип работал как одержимый. Казалось, тело его не знало, что такое усталость, и совершенно не нуждалось в отдыхе. Он остановился и опустил топор, только когда отец махнул рукой и крикнул:

– Хорош!

Воткнув топор в дерево и уперевшись рукой в натруженную спину, Антип посмотрел на небо. Солнце уже миновало зенит – сутки перевалили за полдень. Только сейчас Антип почувствовал, как сильно устал.

– Отдыхай, – отец протянул ему кувшин с водой, стоявший в тени под телегой.

Антип попил тепловатой, но все равно приятной на вкус колодезной воды и посмотрел по сторонам, подыскивая место для отдыха. Неподалеку рос развесистый куст боярышника, с которым работники собирались расправиться уже после того, как будущее поле будет полностью освобождено от пней. Под ним-то и решил укрыться от солнца Антип.

Проводив отца, Антип улегся под кустом, подложив руки под голову. Глядя на неподвижно застывшую листву, сквозь которую местами пробивались тоненькие солнечные лучики, щекочущие глаза, Антип думал о том, как легко и просто относился он прежде к собственной жизни. Все свои двадцать лет он прожил в Устыни, изредка наведываясь в соседние села к друзьям и родственникам, да раз или два в год ездил с отцом в Устой, чтобы заключить с подрядчиком договор на продажу урожая или прикупить что-нибудь необходимое в хозяйстве. Раньше он даже никогда и не думал о том, что жизнь его может вдруг круто измениться. И только сейчас, когда перемены ворвались, как студёный ветер зимой влетает в сени, стоит только чуть приоткрыть дверь, Антип понял, что не желает другой жизни. Ему нравилось работать с раннего утра до позднего вечера, чувствуя силу своего молодого и крепкого тела, нравилось в перерыве между работой растянуться вот так, как сейчас, под кустом и смотреть сквозь листья на солнце. У него было все, что требовалось в жизни: здоровье и молодость, любовь и уважение односельчан. И, что самое главное, у Антипа не было врагов. Соперничество с Харламом являлось по сути своей не более чем игрой, целью которой было привлечь к себе особое внимание сверстников. С Харламом можно было поругаться прилюдно, даже порою подраться, а после сесть за стол и выпить пива. И, что уж греха таить, Антип решил приударить за Марой только после того, как за ней начал ухаживать Харлам. Девушка интересовала его только как еще один повод для соперничества. У Харлама была навозная яма, которую он без усталости поминал Антипу, а у Антипа была Мара, которая из двух ухажеров явно отдавала предпочтение ему, а не Харламу. Быть может, Мара могла бы стать и неплохой женой, только о женитьбе Антип пока еще даже и не думал. Так, спрашивается, к чему менять жизнь, если она тебя во всех отношениях устраивает? Как гласит народная мудрость, искать добра от добра станет только дурак. Антип же себя дураком не считал...

Антип и сам не заметил, как задремал.

Разбудило его раздавшееся неподалеку лошадиное ржание.

Вскочив на колени, Антип осторожно выглянул из-за куста. По полю катила отцовская телега, запряженная гнедой лошастью. Вот только обычно отец, не имевший привычки куда-либо торопиться, позволял лошади идти шагом, а сейчас он погонял кобылу, заставляя ее бежать рысью.

Поднявшись на ноги, Антип посмотрел на небо. Судя по положению солнца, отец, обещавший вернуться через пару часов, запаздывал, – до конца светлого времени суток оставалось не более четырех часов.

Отец остановил лошадь неподалеку от куста, под которым отдыхал Антип, и, бросив поводья, прыгнул на землю. Никогда прежде Антипу не приходилось видеть отца таким. Губы у него были плотно сжаты, щеки запали, темные тени залегли под глазами, лоб прочертили три глубокие морщины. Казалось, отец разом состарился сразу лет на пятнадцать.

– Плохо дело? – догадался Антип.

– Плохо, – не стал успокаивать сына отец. – Придется тебе на время уйти из села.

– Уйти?! – едва ли не испуганно воскликнул Антип, забыв, что совсем недавно был уже почти готов сделать это. – Да куда же я пойду?!

– Куда идти, я тебе скажу, – голос у отца был тихий и спокойный. Хотя одному только Создателю было известно, каких трудов стоило ему не показать сыну, насколько сильно он встревожен.

– Что случилось? – спросил Антип, не зная, как реагировать на слова отца.

– По селу пошел слух, что у тебя нож вестника смерти, – все так же тихо произнес отец.

– Кривой Ван проболтался! – с досадой и злостью Антип хлопнул себя ладонью по бедру.

– Нет, – уверенно покачал головой отец. – Кривой Ван сказал, что не видел ножа, которым ты ранил Харлама. Проклятый нож описал один из наемных работников Мигуна, успевший как следует рассмотреть его.

– И что же?..

– Народ в селе шумит, требует предъявить нож для опознания. Чем все это закончится, предсказать трудно. Люди боятся вестников смерти.

– Но я не вестник смерти!

– Сейчас это не имеет значения, – левая щека отца едва заметно дернулась. – У тебя есть нож вестника смерти, и ты уже однажды пустил его в дело. Этого достаточно для того, чтобы перепуганные люди начали делать то, чего никогда бы не сделали, находясь в здравом уме.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Антип, хотя уже и сам догадывался, о чем шла речь.

– Не важно, – коротко взмахнул рукой отец. – Суть в том, что сейчас тебе в село возвращаться нельзя. Держи.

Отец кинул Антипу туго набитый заплечный мешок.

– Что это? – спросил Антип, поймав мешок.

– Смена одежды и еда на дорогу, – ответил отец. – Пойдешь в Рустерово. Найдешь там торговца по имени Хамал – он, как и наш Кривой Ван, тоже из пришлых. У него небольшая лавка на краю села, торгующая всяким домашним скарбом. Скажешь ему, что ты мой сын и я прошу его на недельку-другую предоставить тебе кров и еду.

– Кто такой этот Хамал? – перебил отца Антип. – Я никогда прежде о нем не слышал.

– Один мой знакомец, – уклончиво ответил отец. – Должок у него передо мной, так что отказать не должен.

– А ежели откажет?

– Не должен отказать, – с нажимом повторил отец. – Поживешь у Хамала какое-то время, а когда у нас в селе все уляжется, я за тобой приеду.

– До Рустерова три дня пути, – заметил Антип.

– Пойдешь напрямки, так доберешься и за два дня, – ответил отец. – Еды у тебя на дорогу достаточно, а переночуешь где-нибудь в поле – поди не впервой.

– Напрямки? – Антипу показалось, что он ослышался. – Это же через заброшенное кладбище!

– Если поторопишься, то минуешь его еще до темноты.

Антип боязливо повел плечами. Заброшенное кладбище, на котором находились какие-то древние захоронения, пользовалось среди местных жителей дурной славой. Без нужды туда старались не ходить, а уж в темное время суток так и вовсе обходили за версту. Еще ребенком Антип слышал десятки жутких историй о невероятных вещах, творящихся на заброшенном кладбище. Конечно же, большинство из них были вымышленными, но не на пустом же месте они появились. Значит, было в заброшенном кладбище что-то такое, что заставляло людей держаться от него подальше.

Отец как будто даже и не заметил Антипова страха перед заброшенным кладбищем. Или же сделал вид, что не замечает его.

– После кладбища возьмешь чуть левее, – продолжал он. – Пройдешь пару километров и выйдешь на старый проселок. Утром проселком доберешься до Запруд. Ну а дальше дорогу ты и сам знаешь.

– Может быть, лучше я через Околово пойду? – не особо уверенно предложил Антип. – Там я и переночевать смогу...

– Там тебя в первую очередь и станут искать, – перебил, не дослушав Антипа, отец. – Когда мужики в селе стали спрашивать меня о тебе, я сказал, что ты еще с утра у меня отпро-

сился и в Околово к крале своей побежал. А искать тебя на дороге через заброшенное кладбище никому даже в голову не придет.

– Ну, естественно, – мрачно сказал Антип. – Дураков нет.

– Не тушуйся, сына, – сделав усилие, отец улыбнулся и ободряюще хлопнул Антипа по плечу. – Со временем все образуется.

Антип молча кивнул.

А что ему еще оставалось делать? Сказать отцу о своем предчувствии, шептавшем, что жизнь его отныне меняется раз и навсегда? Что никогда она уже не станет прежней – спокойной, размеренной и беззаботной? И что если он когда еще и вернется в Устынь, то случится это вовсе не через неделю-другую?..

Антип выдавил из себя улыбку и кивнул еще один раз, чтобы у отца не оставалось уже никаких сомнений в том, что он с ним полностью согласен.

– И вот что еще...

Отец достал из-за пазухи и протянул Антипу небольшой кожаный кошель.

Антип развязал тесьму. В кошеле лежало с десяток золотых монет с тремя имперскими кругами, пересекающимися между собой и вписанными в четвертый, больший по размеру круг.

– Откуда это у тебя? – удивленно посмотрел на отца Антип.

– Да так... – Отец смущенно отвел взгляд в сторону. – Копил на черный день...

– Ну так и копи дальше! – Антип попытался вернуть деньги отцу.

– Возьми, – решительно отстранил от себя руку Антипа тот. – Тебе они пригодятся.

– Спасибо, – Антип сунул кошель за пазуху. – Постараюсь попусту не тратить... Ну... – Он смущенно приподнял руки, не зная, как проститься с отцом. – Пойду, пожалуй...

Отец порывисто обхватил Антипа за плечи и прижал к себе.

– Все будет хорошо, – тихо произнес он, словно заговор, которым надеялся уберечь сына от всех грозящих ему бед. – Все будет хорошо...

Глава 3

Солнце уже садилось за дальним перелеском, когда Антип только еще ступил на нехоженую, заросшую полынью да лопухом тропинку, ведущую через заброшенное кладбище. Ухватившись обеими руками за лямки заплечного мешка и стиснув зубы, Антип скоро шагал вперед, поминутно оглядываясь по сторонам. Припуститься бегом ему не позволяла только мысль, что это сразу же выдало бы его страх неведомому врагу. А в быстро сгущающихся сумерках враг мерещился Антипу едва ли не за каждым кустом. Особенно же жутко становилось, когда промеж кустов виднелась провалившаяся могила с покосившимся камнем над ней. В такие минуты Антип по три раза плевал через левое плечо, чтобы отогнать прячущихся за спиной злых духов, и ускорял шаг.

Когда последний луч заходящего солнца мелькнул и растворился во тьме, сердце у Антипа сжалось. Он остановился и, тяжело дыша, затравленно огляделся по сторонам. Сколько ему еще оставалось пройти, чтобы миновать дурное место, Антип не знал. Однако радужными надеждами он себя не тешил. Самое время было появиться злым духам и оборотням. Страх не лишил Антипа разума – он помнил, что у него нож вестника смерти. Вот только хорош ли этот нож против нечисти? Мертвяка порешить – это ведь совсем не то, что живого человека ножом ткнуть.

Неожиданно на память Антипу пришла одна из историй о заброшенном кладбище, где речь шла о том, как мужику удалось увязавшуюся было за ним нечисть провести. Правда, тогда, если верить рассказчику, дело происходило не ночью, а только еще в наступающих сумерках. А теперь даже ночь и та, как назло, была безлунная. Запрокинув голову, Антип посмотрел на черное небо и даже звезд не увидел. Но выбор у него был невелик. Нужно было хоть что-то делать, пока мрак окончательно не поглотил всю землю.

Достав из-за голенища нож, с которого и началась вся эта история, Антип подошел к росшему неподалеку кусту рябины. Нож снова удивил Антипа, но на этот раз приятно, – ствол толщиной в два пальца он перерубил с одного удара. Вырезав палку в локоть длиной, Антип очистил ее от веток. После этого он снял заплечный мешок и, конечно же, отыскал в нем свою шапку, уложенную заботливой рукой матери. Снова закинув мешок на спину, а нож сунув за голенище, Антип нацепил шапку на палку и поднял ее так, чтобы она находилась как раз на уровне его головы. Так он и продолжил свой путь, неся шапку на палке в чуть отнесенной в сторону левой руке. Таким образом, если верить истории, которую вспомнил Антип, можно было заставить нечисть поверить в то, что ты идешь не один.

Но не пройдя и ста шагов, Антип оступился и едва не упал на провалившуюся могилу. Колено его при этом больно ударилось о лежавший на земле плоский могильный камень. С досады Антип чертыхнулся и только потом подумал о том, что кликать черта сейчас совершенно неуместно.

Поднявшись на ноги, Антип быстро огляделся по сторонам. Все, что он смог разглядеть в окружающей его темноте, это обступающие его со всех сторон кусты да еще один могильный камень пирамидальной формы в двух шагах левее того места, где он стоял. Сомнений не оставалось: двигаясь в темноте, он потерял едва приметную тропинку.

Возвращаться назад и искать тропу не имело смысла – это была бы только бесполезная трата времени и сил. Поэтому, снова подняв шапку на палке, Антип двинулся вперед, сквозь кустарник, наугад выбирая дорогу.

Теперь он шел не так торопливо, как прежде, – приходилось проявлять осторожность, чтобы не наступить в темноте на могилу и не разбить ногу о почти невидимый могильный камень. Пару раз он все же ударился обо что-то бедром, но в целом особых проблем не возникало до тех пор, пока ему вдруг не начало казаться, что в нескольких шагах левее его сквозь

кусты пробирается кто-то еще. Этот кто-то был куда ловчее и проворнее Антипа, а возможно, еще и обладал способностью видеть во тьме, поэтому передвигался он почти неслышно. И все же Антипа не оставляло чувство, что он уже не один в ночной темноте.

Антип неожиданно остановился и посмотрел влево. Естественно, он ничего не увидел, но зато смог услышать легкий шорох, когда его невидимый преследователь сделал еще пару шагов вперед.

– Эй, – негромко позвал Антип.

Никто ему не ответил.

Какое-то время Антип в нерешительности стоял на месте, не зная, что делать: то ли продолжать двигаться в прежнем направлении, то ли пойти и посмотреть, кто там прячется в кустах. Прикинув все как следует, он решил без нужды не искать встречи с таинственным обитателем заброшенного кладбища, кем бы он ни был, зверем диким или нечистой поганой.

Развернувшись, Антип зашагал в сторону, где, как ему казалось, должен был проходить огибающий кладбище проселок. Время от времени он встряхивал надетой на палку шапкой и довольно-таки громко оповещал тех, кто мог его слышать:

– Нас двое! А позади еще четверо идут!

Через несколько шагов Антип угодил в такие густые заросли кустарника, что с трудом из них вылез. Выбравшись же на открытое пространство, он оказался между двух могил. На одной рос цветущий розовый куст. Антип узнал его по запаху – от куста исходил такой густой аромат, что даже голова закружилась. На другой могиле был установлен каменный куб высотой примерно в метр, на котором стоял человек ростом чуть выше своего постамента. Поначалу приняв человека за каменное изваяние, Антип вздрогнул всем телом и схватился за нож, когда тот обратился к нему с довольно-таки странным приветствием:

– Эй, парень, ты что, спятил?

Голос у человека был высокий и чуть надтреснутый. Но при этом звучал он настолько уверенно, что было ясно: человек вовсе не случайно оказался ночью на заброшенном кладбище. Могилы, колючие кусты и упавшие памятники с выбитыми на них непонятными символами составляли для него привычную среду обитания.

Держа нож перед собой, Антип попятился назад. До тех пор, пока шипы розового куста, проткнув штаны, не укололи его в ягодицы. Подпрыгнув на месте, Антип коротко вскрикнул.

Человек усмехнулся и спрыгнул с каменного куба, на котором стоял.

– Дерганный ты какой-то, – с укоризной произнес он.

– Будешь тут дерганным, – огрызнулся Антип.

– А что так? – поинтересовался человек.

Так как роста в странном незнакомце было чуть меньше двух аршин, то поэтому, когда он стоял на земле, вовсе не казался опасным противником.

– Темно, – подумав, ответил Антип.

– А ты в темноте не видишь?

Антип отрицательно мотнул головой.

– Ну, это дело поправимое. – Человек поднял правую руку вверх, щелкнул пальцами и открыл ладонь, обратив ее вверх.

Почти тотчас же на его ладони вспыхнул крошечный желтый огонек. Следом загорелся второй. Огоньки вспыхивали один за другим, пока их не набралась полная ладонь. Тогда человек опустил руку и протянул ладонь Антипу.

Свет, испускаемый десятками собравшихся вместе крошечных огоньков, был неяркий, но его хватило для того, чтобы Антип смог разглядеть своего собеседника. Стоявший напротив него человек был одет в широкую рубаху, перетянутую в поясе узким ремешком, подол которой доставал ему до колен, и в такие же широкие штаны. Вообще-то он был похож на самого обыкновенного человека, не вышедшего ростом, если бы не его голова. Непомерно большая,

она напоминала по форме луковицу, чему способствовали и волосы, зачесанные наверх и стянутые на затылке шнурком. Лицо у незнакомца было плоским, с едва заметно выступающим носом, большими глазами и широким, что называется, до ушей, ртом.

– Ты зачем шапку на палку нацепил? – спросил у Антипа человечек. – И зачем кричишь, что за тобой четверо идут? Я видел, никого позади тебя нет.

– Так просто, – Антип проворно стянул шапку с палки и сунул ее за пояс. – А что за огонь у тебя в руке? – спросил он в свою очередь.

– Это, – человечек легко подкинул на ладони горсть тусклых огоньков и хитро улыбнулся, – всего-навсего светляки. А ты что подумал?

Антип пожал плечами и ничего не ответил.

– Тебя как зовут-то? – поинтересовался человечек.

– Антип, – ответил парень. – А ты кто такой?

– Я-то? – снова усмехнулся человечек. – Меня Луконей кличут.

– А что ты ночью на кладбище делаешь? – осторожно спросил Антип.

– То же самое я могу и у тебя спросить, – ответил ему Луконя.

– Я первый спросил, – быстро произнес Антип.

– Ну, допустим, я сюда в гости пришел, – ответил Луконя.

– В гости? – удивился Антип. – Это к кому же? К покойникам, что ли?

– А почему бы и нет, – с вызовом вскинул подбородок Луконя. – Среди покойников можно встретить весьма занятных собеседников.

– Тоже мне, собеседники, – Антип презрительно фыркнул.

– А ты-то сам как здесь оказался? – спросил Луконя.

Подумав, Антип решил сказать правду.

– К Запрудам иду, – сказал он и небрежно так махнул в сторону зажатым в руке ножом, желая показать, что знает верное направление.

Увидев нож в руке Антипа, Луконя тихо ойкнул. Ладонь, в которой он держал светляков, заметно дрогнула.

Перемена в настроении собеседника не осталась незамеченной Антипом. Чтобы дать Луконе как следует рассмотреть, что за нож у него в руке, Антип еще раз взмахнул им в воздухе.

– Извини меня, бестолкового, – Луконя суетливо поклонился Антипу. – Я-то по недомыслию тебя за обычного человека принял.

Антип снисходительно хмыкнул.

– Давно на это кладбище вестники смерти не захаживали, – продолжал между тем Луконя.

– А что так? – поинтересовался Антип.

– Да кто же вашего брата поймет, – пожал плечами Луконя. – Должно быть, скучное это место для вас.

– И верно, скучное, – кивнул Антип. – Я-то сам здесь мимоходом.

– Понятное дело, – тут же согласился с ним Луконя.

– Дорогу на Запруды покажешь? – спросил Антип.

– Вообще-то можно, – Луконя с сомнением почесал затылок. – Только муторное это дело.

– В каком смысле? – спросил Антип.

– В том смысле, что можно в чужую могилу угодить, – ответил ему Луконя.

– В смысле – в яму упасть? – уточнил Антип.

– В смысле – оказаться неизвестно где, – объяснил ему Луконя. – Ты, я так понимаю, прежде здесь никогда не бывал?

– Нет, – покачал головой Антип.

Хотя прежде он, бывало, и забредал с приятелями на заброшенное кладбище, да только происходило это всегда среди белого дня. Ночью же кладбище превращалось в чужое, совершенно незнакомое место.

– То-то и оно, – с пониманием кивнул Луконя. – Это место не простое. По нему можно всю ночь блуждать, да так и не выйти туда, куда нужно. А как солнце встанет, помотришь по сторонам и не поймешь, где ты вообще находишься и как здесь оказался. Водилок здесь много.

– Кого? – удивленно переспросил Антип.

– Водилок, – повторил Луконя. – Нечисть такая, невидимого облика. Заморочить может хоть человека, хоть самого черта. Как это у них получается, не знаю. Слышал я разные разговоры про внепространственные переходы и иные измерения, да только сам в этом ничего не смыслю. По мне, если идешь ты в одно место знакомой тебе дорогой, а попадаешь совсем в другое, где никогда прежде не бывал, значит, завела тебя туда водилка. Особенно рьяно во тьме они чуют. Иное дело днем. При свете солнца я тебя к Запрудам запросто выведу.

Несмотря на то что странный человечек, встретившийся Антипу на могиле, на первый взгляд не внушал никаких опасений, перспектива провести ночь на кладбище вовсе не казалась Антипу такой уж привлекательной.

Заметив нерешительность Антипа, Луконя истолковал ее по-своему.

– У нас здесь, конечно, место глухое, – извиняющим жестом он отвел свободную руку в сторону. – Но народ, по большей части, в общении приятный. Чем ночь-то всю по кладбищу блудить, так лучше у огонька посидеть, чайку попить, ногам передых дать. А как рассветет, я тебя в момент к Запрудам выведу.

– А где огонек-то? – все еще неуверенно спросил Антип.

– Да здесь, неподалеку, – махнул рукой куда-то в сторону Луконя.

– И кто же возле него собирается?

– Да по большей части все местный народ, – улыбнулся Луконя. – Навье да упыри.

Антип почувствовал неприятный холод внизу живота.

– Как-то несподручно мне с упырями, – заметил он, стараясь не показывать своего испуга.

– Понятное дело, – с готовностью кивнул Луконя. – Упырь вестнику смерти не товарищ. Но мы к вашему брату со всем уважением...

Антип задумчиво почесал затылок. Конечно, навье да упыри – компания не самая приятная. С другой стороны, если Луконя, увидев нож, принял его за вестника смерти, то и прочая нечисть, обитающая на кладбище, могла на это купиться. Уж лучше провести ночь в компании упырей, сидя у огня, чем встретить одного из них в темноте среди могил.

– Так ты отведешь меня утром к Запрудам? – спросил у своего нового знакомого Антип.

– Без проблем, – заверил его Луконя.

– А свет дневной тебя не пугает? – хитро прищурился Антип.

– Так я же не нечисть кладбищенская, – ответил Луконя как будто даже с обидой. – Мне после третьих петухов назад в могилу забираться не нужно.

– А кто же ты такой? – спросил Антип.

– Я – сам себе господин, – гордо выпятил грудь Луконя. – Мелкий бес. Я обычно поблизости от людей держусь, чтобы было где проказить. А на кладбище порой захоживаю, чтобы со знакомцами повидаться.

– Ну, коли так, то пойдем, – согласился Антип.

– Идем! – радостно воскликнул Луконя. – Ух, и удивится же местный народ, когда я к ним самого вестника смерти в гости приведу!

Антип в ответ на это только неопределенно хмыкнул. Чудная все-таки штука эта самая жизнь: вчера только он в шинке у Кривого Вана пиво пил, а сегодня на заброшенном кладбище с упырями и навьем чаевничать будет. Расскажи кому – так не поверят же! Уверенность в том, что все будет хорошо, внушал Антипу не столько нож вестника смерти, а он, как видно,

высоко поднимал его общественный статус среди кладбищенской нечисти, сколько веселый и беззаботный нрав Лукони, который вызвался быть его провожатым. Если он с упырями дружбу водит, так почему бы и Антипу с ними не познакомиться? Как знать, может, и взаправду окажется, что не так страшен черт, как его малюют?

Луконя подкинул вверх горсть огоньков, горевших у него на ладони, и светляки в момент разлетелись в разные стороны и погасли во тьме.

– Ничего, – ободрил Антипа Луконя. – Я во тьме вижу, как кошка. Следуй за мной, скоро к огню выйдем.

Сказав это, он проворно нырнул в кусты.

Боясь потерять своего провожатого во тьме и снова остаться в одиночестве среди провалившихся могил и полуразрушенных склепов, Антип побежал в том же направлении, что и Луконя. Ориентировался он при этом главным образом на слух, сворачивая туда, где шуршали и потрескивали кусты, сквозь которые напрямик ломился Луконя. Следует отдать бесенку должное – памятуя о том, что его спутник не наделен ночным зрением, дорогу Луконя выбирал так, что Антип ни разу даже не оступился на неровностях грунта.

Палку, на которой была надета шапка, Антип выкинул, но нож вестника смерти по-прежнему продолжал сжимать в руке.

Вскоре Антипу показалось, что он заметил мелькнувший среди кустов отсвет какого-то странного синеватого пламени. Еще через какое-то время он уже ясно увидел костер, горящий на ровной, свободной от кустов площадке перед полуоткрытыми дверями большого склепа, сохранившегося в относительно неплохом состоянии. Вокруг костра сидели темные сторбленные фигуры. Было их не меньше полутора десятков, но рассмотреть их как следует в неясном мерцающем свете, да еще и на бегу, Антипу никак не удавалось.

– Постой, Луконя! – крикнул негромко Антип.

Провожатый остановился и обернулся на своего спутника.

– Уже почти пришли, – сообщил он несколько удивленным голосом.

– погоди, – махнул рукой Антип и, наклонившись, уперся руками в бедра. – Дай дух перевести.

Для того чтобы сделать последние несколько шагов навстречу странной компании, сидящей у костра, Антипу нужно было для начала собраться с духом. Да и отдышаться после быстрого бега тоже не мешало. Не след являться перед нежитью запыхавшимся и растерянным, словно малец, заблудившийся во тьме. Нужно было помнить о том, что для них он был вестником смерти, – судя по словам Лукони, существом куда более значительным по сравнению с упырями и прочим навьем.

– Пошли!

Выпрямившись, Антип решительно зашагал к костру, оставив позади замешкавшегося провожатого.

Припустившись следом, Луконя попытался было его обогнать, но Антип, выставив руку в сторону, велел ему держаться позади.

Никто из сидевших у костра не обернулся, пока Антип не остановился в двух шагах от них и не сказал громким голосом:

– Доброй ночи всей честной компании!

Фигуры зашевелились. Двигались они медленно, словно преодолевая чудовищное сопротивление веков, проведенных по ту сторону жизни. Казалось, что если прислушаться как следует, то можно услышать, как скрипят их трущиеся друг о друга высохшие кости.

Когда ближайший к нему мертвяк наконец-то развернулся вполоборота и посмотрел на человека, вместо лица Антип увидел обтянутый серой, похожей на старый, высохший пергамент кожей череп, глядящий на него пустыми провалами глазниц, в глубине которых таились едва заметные зеленоватые отсветы, похожие на то, как мерцают глаза кошки в темноте.

Антип почувствовал, как под этим взглядом мертвых глаз у него похолодела кожа, по всему телу выступил холодный пот, а по позвоночнику забегали колющие мурашки. Он готов был уже развернуться и броситься в ночную тьму, прочь от призрачного огня с сидящей вокруг него нежитью, когда, улучив момент, вперед снова выскочил Луконя.

– Эй, братцы-мертвяки, вурдалаки-кровопийцы, навье да нежить! – прокричал он радостным, громким голосом. – Что сидите, как охмуренные! Принимайте гостя дорогого!

– Луконя, – узнав бесенка, проскрипел один из мертвяков голосом, в котором жизни было не больше, чем в холодном камне на дороге. – А это кто с тобой?

– А то сам не видишь! – Луконя незаметно подтолкнул Антипа локтем, давая понять, что пора бы ему и самому что-то сказать. – Вестник смерти к нам пожаловал!

– Не похож, – окинув Антипа призрачным взором, вынес свое решение другой мертвяк. Луконя снова ткнул Антипа локтем в бок, на этот раз довольно-таки чувствительно.

– Не похож, говоришь! – Резким движением Антип выбросил в сторону сказавшего это мертвяка руку с зажатым в ней ножом. – А что, если я этим ножом тебя по глотке чикну?

В отсветах пламени лезвие ножа поблескивало мертвенно-зеленоватым светом, похожим на тот, что горел в пустых глазницах навья.

Мертвяк как-то странно качнулся из стороны в сторону, словно дряхлый старик, желающий подняться на ноги, но не находящий в себе сил для этого.

– Прости, не признал, – проскрипел мертвяк. – Больно ты молод мне показался для вестника смерти.

– Ну, по сравнению с тобой, Сартопулос, любой будет выглядеть мальчишкой, – рассмеялся Луконя и положил руку Антипу на плечо.

Этим жестом бесенок давал парню понять, что он уже признан и принят местным обществом, а заодно и демонстрировал всем присутствующим, в сколь близких, почти дружеских отношениях находится он с вестником смерти.

– Присаживайся к нашему огню, – произнес кто-то из присутствующих.

Голос не был похож на дребезжание сухих горошин в бычьем пузыре, как у говорившего до этого мертвяка. Тот, кто подал голос на этот раз, заметно шепелявил и временами делал короткие паузы, производя при этом странный звук, словно бы втягивая в себя воздух сквозь едва приоткрытые губы.

Обернувшись, Антип посмотрел на того, кто произнес эти слова. Внешне это был человек из плоти и крови, только с очень бледным лицом и большими, чуть заостренными кверху ушами. Глаза у него были желтого цвета с вертикальным, как у хищника, разрезом зрачков. Антип догадался, что это был упырь, хотя никогда прежде видеть упырей ему не приходилось.

Упырь подобрал полы надетого на нем драного балахона и подвинулся в сторону, освобождая для гостя место на ступенях склепа.

Антип благодарно улыбнулся и, обойдя круг нежити, занял предложенное ему место. Рядом с ним пристроился и улыбающийся Луконя. Заплечный мешок Антип скинул со спины и поставил между ног, а нож снова сунул за голенище.

Осмотрев внимательно всех собравшихся у костра, Антип насчитал семь упырей. Остальные были мертвяками. Все они были одеты в ветхие, изорванные лохмотья, по которым было совершенно невозможно составить хоть какое-то представление о первоначальном виде одежды, частью которой они в свое время являлись. Возможно, именно поэтому навье выглядели хотя и жутковато, но одновременно и довольно-таки жалко.

Станным был и костер, вокруг которого собралась нежить. Синеватые языки пламени скользили по нескольким сложенным крест-накрест поленьям, при этом они оставались совершенно целыми, не обугливаясь, не выбрасывая вверх искры и не превращаясь постепенно в золу. При взгляде на этот костер Антипу сразу же вспомнились истории о ведьминых огнях, горящих ночами на кладбищах.

– Что привело вестника смерти в наши края? – проскрипел один из мертвяков, тот самый, которого Луконя назвал Сартопулосом. – Среди нас живых не сыщешь, а нам самим смерть уже не страшна.

Рот мертвяка приоткрылся в зловещем оскале, что в его исполнении должно было изображать приветливую улыбку.

– Я здесь прохожом, – ответил Антип и для солидности кашлянул в кулак.

– Он к Запрудам идет, – тут же вставил Луконя. – А я, встретив его на кладбище, предложил с нами ночку скоротать. Так что не сидите, как мертвые, а угощайте дорогого гостя!

Едва Луконя произнес эти слова, как двое мертвяков поднялись со своих мест и скрылись за полуоткрытой дверью склепа. Движения их были медленными и угловатыми. Казалось, что к ногам их привязаны пудовые гири, и, чтобы сохранить равновесие, мертвяки держали руки расставленными в стороны.

Насколько мог судить Антип, упыри были куда более живыми и подвижными, чем остальные навье. Но и они производили впечатление глубоких старцев, способных разве что только на то, чтобы вспоминать свои былые деяния.

Пока двое мертвяков что-то делали в склепе, Луконя быстро представил Антипу всех сидевших у костра. Имена, которые называл бесенок, были все больше причудливые, нездешние, такие, что и не запомнишь с первого раза. Названный мертвяк чуть привставал со своего места и со всей учтивостью, которую позволяли ему его старые кости, кланялся Антипу.

К тому времени, когда церемония знакомства была окончена, вернулись из склепа двое мертвяков. С собой они принесли большой медный котел, наполненный какой-то жидкостью, и кованую рогатину. Воткнув рогатину в землю возле костра, мертвяки повесили котел над огнем.

– Ну вот, скоро и чаек поспеет! – с радостным предвкушением потер ручки Луконя.

Антип решил, что невежливо сидеть молча, ожидая, когда закипит вода в котле, и обратился к сидевшему справа от него упырю с вопросом:

– Простите, вы все здесь местные?

– А как же, – оскалился в улыбке упырь. – Все с этого самого кладбища.

– Очень уж имена у вас странные, – покачал головой Антип. – Я таких прежде и не слышал.

– Еще бы, – прохрипел сидевший по другую сторону огня мертвяк. – Нет же больше таких имен. Канули в небытие, как и весь мир, к которому мы принадлежали.

– Ты когда-нибудь слышал об Империи Семи Морей? – спросил у Антипа упырь.

– Нет, – покачал головой Антип.

– Вот то-то и оно, – снова оскалился упырь. Но на этот раз оскал его можно было назвать грустным. – А в свое время не было в мире человека, который не знал бы этого гордого имени. И каждый второй сам был подданным Империи Семи Морей.

– И когда же это было? – поинтересовался Антип.

Мертвяк попытался было свистнуть, но вместо свиста изо рта его раздался странный приглушенный скрежет.

– В незапамятные времена, относящиеся к Первой эпохе, – оставив тщетную попытку выразить свои чувства свистом, словами ответил Антипу мертвяк. – На том месте, которое ты называешь Запрудами, некогда стоял огромный город, именуемый Уартом.

– И что же с ним стало? – удивленно спросил Антип.

– Уарт был разрушен варварами, пришедшими из Великих Степей, – тяжело вздохнув, ответил мертвяк. – Их несметные полчища прошли по всей Империи Семи Морей, обратив в прах великую цивилизацию.

– Не преувеличивай, Марлинус, – усмехнулся сидевший рядом с Антипом упырь. – Империю разрушили не варвары. Она была раздавлена собственной тяжестью. Некогда дей-

ствительно великая держава выбрала тупиковый путь. Вместо того чтобы развиваться за счет собственных ресурсов, Империя продолжала разрастаться вширь, втягивая в себя все новые страны и народы. По мере того как имперский центр дряхлел, народы на окраинах Империи, впитывая в себя все ее достижения, обретали собственное самосознание. К тому времени, когда появились степняки, Империя была уже настолько изъедена собственными внутренними противоречиями, что для того, чтобы она упала и рассыпалась в прах, довольно оказалось легкого толчка извне.

– Ты, как всегда, интерпретируешь факты в выгодном для тебя свете, Озмозис! – возмущенно воскликнул Марлинуc. – Не зря тебя в свое время живым в землю закопали!

– Если бы гарт Култамакис прислушался в свое время к моим словам, а не внимал бы твоей бестолковой болтовне об имперском величии и божественной славе, то Уарт стоял бы и по сей день! – ответил мертвяку Озмозис.

– Варвары были Бичом Создателя, покаравшим нас за грехи наши! – вскинув костлявую руку вверх, провозгласил Марлинуc.

– Если ты, Марлинуc, так же как и остальные верные прихлебатели гарта Култамакиса, погряз в роскоши и разврате, то не стоит обвинять в этом все остальное население Империи, влачившее полунищенское существование, – возразил упырь. – Варвары просто пришли и взяли то, что плохо лежало. Вспомни, Марлинуc, много ли окрестных жителей отозвались на твой призыв прийти и встать на защиту Уарта?

– Мы с честью погибли, но не пошли на сделку с врагом, как предлагала твоя партия! – Марлинуc гордо вскинул подбородок, с которого сползла высохшая кожа.

– Как ты погиб, мне известно, – усмехнулся Озмозис. – Тебя вместе с двумя другими представителями партии власти забили лопатами крестьяне, в домах которых вы надеялись укрыться от варваров.

– Да будь ты проклят, Озмозис! – в сердцах воскликнул Марлинуc. Если бы у него во рту была слюна, то он, наверное, еще и плюнул бы в костер. – Сколько лет прошло, а ты до сих пор не можешь простить мне того, что моей партии было доверено сформировать правящий кабинет.

– А представители моей были все до единого казнены, – закончил Озмозис. – Но я не могу простить тебе вовсе не это, Марлинуc, а то, что десять лет твоего бездарного правления привели страну к гибели.

– Я делал то, что требовала от меня верховная власть! – крикнул мертвяк.

– Вот именно, – спокойно наклонил голову упырь. – А нужно было делать совсем другое.

– Представляешь, – прислонившись к плечу Антипа, негромко прошептал Луконя, – тысячелетия прошли, от Империи Семи Морей только это кладбище и осталось, а эти двое, как только вместе сойдутся, так едва не в драку лезут, выясняя, кто же больше любил свою страну.

– Неужели целая Империя, вместе со своими городами и народами, могла уйти в землю, не оставив после себя никакого следа? – удивленно произнес Антип.

– Если бы только одна, – усмехнувшись, ответил ему Луконя. – Знал бы ты, сколько Империй погибло, обратившись в прах, не оставив по себе никакой памяти, кроме воспоминаний мертвяков да упырей, чудом уцелевших с тех далеких времен в таких заповедных местах, как это кладбище.

– Разве навье может умереть еще раз? – снова удивился Антип.

– Конечно, – уверенно ответил Луконя. – Они ведь только с виду на монстров похожи, а на самом деле просто несчастные и в чем-то даже беззащитные существа. Как только кому-нибудь придет в голову сравнить это кладбище с землей, так и им конец придет, поскольку не останется у них места для жития.

– А разве упыри не охотятся по ночам за людьми, чтобы крови их напиться? – спросил Антип.

– Когда это было, – усмехнулся Луконя. – Теперь они за пределы этого кладбища и выходить-то боятся. Не до людской кровушки. Разве что крысу кладбищенскую придавят. Единственный настоящий душегуб, который временами на это кладбище еще наведывается, так это Карачун. По счастью, сегодня его нет. – Луконя зябко передернул плечами. – Даже мне в его присутствии не по себе делается.

– Карачун тоже из навья? – поинтересовался Антип.

– Нет, – покачал головой Луконя. – Это душегуб по природе своей. То есть он таким на свет уродился. Вроде как я – бес, а он – душегуб.

Конец яростной перепалке мертвяка с упырем положило то, что в котле наконец-то закипела вода. Откуда-то появились помятые жестяные кружки, и двое мертвяков, те самые, что принесли котел и поставили его на огонь, стали черпать оттуда странное варево и обносить им всех присутствующих.

Получив кружку, Антип осторожно понюхал содержимое. Вариво было темного цвета, а на поверхности его плавал небольшой трилистник. Запах от него поднимался терпкий и незнакомый, но отнюдь не неприятный.

– Пей, не бойся, – подбодрил Антипа Луконя. – Это не колдовское зелье, а обычный чай с добавлением нескольких специальных трав, которые только на этом кладбище и можно сыскать.

– Что значит «специальные»? – все еще не рискуя отведать напиток, спросил Антип.

– Ну, для бодрости духа и крепости тела, – объяснил Луконя. – Только этим чаем местное навье себя и поддерживает.

В подтверждение своих слов Луконя сделал большой глоток из кружки, что ему передали, и блаженно закатил глаза.

Посмотрев по сторонам, Антип заметил несколько устремленных на него взглядов. Мертвяки и упыри то ли ожидали результатов дегустации гостем предложенного напитка, то ли просто желали убедиться в том, что он не побрезгует угощением. В любом случае отказываться было бы невежливо, и Антип осторожно пригубил напиток.

Это и в самом деле был крепко заваренный чай, в густом аромате которого витали еще какие-то незнакомые запахи, придававшие напитку необычный вкус – для него невозможно было найти ни названия, ни даже сравнения.

– Ну как? – поинтересовался Луконя.

– Отменно, – не покривив душой, произнес Антип достаточно громко, чтобы все собравшиеся навье услышали его слова.

Обстановка вокруг костра сразу же стала более непринужденной. Мертвяки и упыри прихлебывали чай, обмениваясь одобрительными замечаниями, а мертвяк Марлинус, который, похоже, уже забыл о своем недавнем бескомпромиссном споре с упырем Озмозисом, даже встал и, подняв кружку с чаем, произнес короткую, но вдохновенную речь, прославляющую нежданного, но тем не менее в высшей степени приятного гостя, посетившего их вечеринку.

Следуя примеру остальных, Антип сделал три больших глотка чая. Спустя какое-то время он испытал странное и необычное ощущение. Ему показалось, что кровь в жилах закипает. Все тело его словно бы пронзили тысячи мельчайших иголок, но это было не больно, а, напротив, приятно. Затем иллюзорный жар ударил Антипу в голову. Голова пошла кругом, и на мгновение Антипу показалось, что он теряет сознание. Но в следующий миг уже чувствовал себя превосходно. Более того, сознание его обрело удивительную ясность, а мысли – необычайную проницательность. Одновременно с этим обострились все чувства. Антип слышал, как скребется мышь за дальней стенкой склепа, чувствовал оставшийся на одежде запах розового куста, возле которого он встретил Луконю, отчетливо видел каждую могилу, из тех, что окружали место странного чаепития. Блаженно улыбнувшись, Антип сделал еще пару глотков ароматного чая.

– А кормить здесь будут? – поинтересовался он у Лукони.

– Сомневаюсь, – усмехнувшись, покачал головой тот. – А если что и предложат, то тебе это явно придется не по вкусу. Даже я в этой компании только чайком пробавляюсь.

– А свой харч можно достать? – поинтересовался Антип.

Не евший с полудня, он испытывал огромное желание забраться в свой заплечный мешок и посмотреть, что там ему положила мать в дорогу.

– О чем речь! – взмахнул свободной рукой Луконя. – Здесь демократичное общество. Каждый волен делать все, что ему вздумается, если при этом он не ущемляет чьих-то других интересов.

Развязав мешок, Антип первым делом извлек завернутую в полотняную тряпицу буханку серого хлеба. Сразу же несколько мертвяков вскинули головы и потянули носами.

– Угощайтесь, – предложил Антип и, нарезав хлеб ножом, раздал каждому по большому ломтю, не забыв и себе один оставить.

Упыри от хлеба отказались, но зато с радостью приняли предложенную Антипом кровяную колбасу, кольцо которой также обнаружилось в мешке.

Вареную курицу Антип оставил себе, поскольку к ней никто не проявил интереса, за исключением Лукони, отломившего крылышко.

Мертвяки ели хлеб медленно, растягивая удовольствие. Отщипывая от своих ломтей крошечные кусочки, они аккуратно клали их в рот и тщательно разжевывали. Временами кто-нибудь из них подносил хлеб к провалившемуся носу и с наслаждением вдыхал его аромат.

– Я думал, мертвякам не нужна еда, – тихо обратился к Луконе Антип.

– Они едят не для того, чтобы жить, а ради того, чтобы получить удовольствие, – ответил Луконя. – А хлеба им давно видеть не доводилось. Хлеб для них – это воспоминание о настоящей земной жизни.

Антип быстро разделался с курицей и запил еду остававшимся в кружке чаем. После этого он вытянул ноги и прилег на локоть. Сейчас, когда он был сыт и всем доволен, компания навья вовсе не казалась ему такой ужасной, как в первый момент знакомства. И, что приятно удивляло, от них вовсе не пахло гниением и тленом, только влажной землей и свежескошенной травой. И так и эдак обдумав странную ситуацию, в которой он оказался, Антип пришел к выводу, что не имеет никакого значения, с кем пить чай, с живым или мертвяком, главное, чтобы человек был хорошим и чай – вкусным.

Окончательно уверившись в том, что находится в полной безопасности, Антип утратил всякую бдительность и даже начал потихоньку клевать носом.

Он еще не успел по-настоящему заснуть, когда внезапно каким-то внутренним чутьем, обострившимся после выпитого колдовского чая, почувствовал, как изменилась эмоциональная атмосфера в кругу собравшихся у костра. Былая добрая непринужденность в момент куда-то улетучилась, уступив место напряженному ожиданию чего-то недоброго.

Вскинув голову, Антип посмотрел на Луконю. Лицо маленького бесенка, с которого прежде не сходила веселая улыбка, помрачнело и даже как будто вытянулось, что при необычной форме головы Лукони казалось почти невозможным.

– Что случилось, Луконя? – спросил негромко Антип.

– Карачун идет, – так же тихо ответил ему Луконя.

– И что? – не понял Антип.

– А кто его знает, – пожал плечами Луконя. – Все зависит от того, в каком он нынче настроении. А, все равно, – Луконя с досадой махнул рукой. – Пропала ночь.

Карачун появился внезапно.

Вначале Антипу показалось, что он заметил легкое колебание воздуха чуть в стороне от костра. Затем тьма уплотнилась и приобрела очертания человеческой фигуры. Антип не успел и до пяти сосчитать, а темный призрак уже материализовался в существо, похожее на очень

высокого и неимоверно худого человека с длинными руками и провалившимся животом. Но при всей внешней схожести с человеком человеческого в нем было меньше, чем в любом из сидевших у костра мертвяков. От всей голой фигуры Карачуна веяло замогильным холодом и ужасом смерти, неотвратимой, как удар занесенного топора.

Вскинув руку вверх, Карачун выхватил из темноты черный плащ и обернул его вокруг своей голой фигуры. Отбросив с лица длинные жидкие волосы серо-стального цвета, Карачун окинул всех собравшихся тяжелым взглядом маленьких, глубоко посаженных глаз.

– Ну, что, отродье, – процедил он, почти на разжимая губ. – Гниете потихонечку?

Никто ему не ответил.

Да Карачун и не ждал никакого ответа. Подойдя к костру, он ударом ноги опрокинул стоявший рядом с ним котел с чаем. Поймав взглядом Луконю, который попытался было спрятаться за спину сидевшего рядом с ним мертвяка, Карачун криво усмехнулся:

– И ты, выродец, здесь объявился.

Луконя нервно сглотнул и коротко кивнул.

– Тебе-то что здесь нужно? – продолжал Карачун. – Своих бесовских дел не хватает?

– Да я так... – оправдываясь, развел руками Луконя. – В гости забежал... Ненадолго...

Луконя проворно вскочил на ноги, словно собираясь тут же бежать прочь отсюда.

– В гости... – скривившись, передразнил его Карачун. – Нашел себе друзей.

Карачун с размаха ударил кулаком в голову одного из мертвяков, и голова, отвалившись с сухим треском от туловища, покатила куда-то в кусты. Мертвяк упал на спину и судорожно задержал конечностями.

– Мразь, – с отвращением сплюнул на землю Карачун. – Отродье, ни на что не способное.

– Зачем явился, Карачун? – с неожиданной дерзостью обратился к ночному гостю упырь по имени Озмозис.

– А тебе что за дело? – огрызнулся Карачун.

Глаза Озмозиса сверкнули недобрым огнем. Упырь злобно оскалился, обнажая гнилые, стершиеся, но все еще способные вцепиться в горло противнику клыки.

Впрочем, самого Карачуна реакция Озмозиса совершенно не волновала. Он даже не взглянул на упыря.

– Давно пора разогнать этот притон вырожденцев, – прошипел он сквозь зубы и оглянулся по сторонам, ища, на ком бы еще сорвать свою злость.

Не найдя достойного противника, Карачун присел на корточки возле костра, положив локти на колени так, что свесившиеся вниз кисти рук почти касались земли.

Он просидел так минут десять, опустив голову и глядя в землю. Вокруг царила мертвая тишина, слышно было только, как бьются о землю кулаки и стопы обезглавленного мертвяка.

Внезапно Карачун вскинул голову и вытянул руку вперед, нацелив длинный указательный палец на Антипа.

– А это еще кто такой? – почти выкрикнул Карачун.

Антип, все это время полулежавший на ступенях склепа и старавшийся остаться незамеченным, понял, что скрываться далее смысла нет. Выпрямившись, он посмотрел в глаза Карачуну.

Встретившись с холодным взглядом неподвижных глаз странного потустороннего существа, Антип почувствовал, как тот буквально парализует его. Конечности парня сковал могильный холод. Позвоночник превратился в деревянный кол. В голове поплыл туман. Мысли путались и ускользали, словно рыбешки на мелководье.

– Ты кто такой? – медленно повторил свой вопрос Карачун, обращаясь на этот раз к самому Антипу.

– Кто? – голос Антипа едва не сорвался на фальцет. Поэтому, прежде чем продолжить, он сделал паузу и набрал полную грудь воздуха: – А сам-то ты кто будешь?

Вместо ответа Карачун уперся своими длинными руками в землю и, не поднимаясь с корточек, по-лягушачьи прыгнул вперед. Для того чтобы добраться до Антипа, ему нужно было сделать два больших прыжка. Но прежде, чем Карачун успел прыгнуть во второй раз, Антип выдернул из-за голенища и выставил перед собой нож. Карачун замер на месте, опираясь на крепко сжатые кулаки и покачиваясь в неустойчивом равновесии.

– Еще вопросы есть? – процедил сквозь зубы Антип.

– Мальчик хочет поиграть, – усмехнулся, не двигаясь с места, Карачун. – Мальчик выдает себя за вестника смерти.

– Он и есть вестник смерти! – не сдержавшись, выкрикнул Луконя. – Посмотри на его нож!

Стоя на четвереньках, Карачун подался вперед, так что его длинный нос почти коснулся едва заметно подрагивающего острия ножа, который держал в руке Антип. Оставаясь в таком довольно-таки неудобном положении, он наклонил голову сначала влево, а затем вправо, чтобы осмотреть нож со всех сторон.

– Верно, – сказал Карачун, снова опускаясь на корточки. – Это нож вестника смерти. Да только держит его рука обычного человека.

– Я вестник смерти! – крикнул Антип, с трудом заставляя свой голос не дрожать.

– Да что ты говоришь! – Карачун по-птичьи наклонил голову к плечу. – И сколько же душ ты успел загубить?

На мгновение Антип растерялся, не зная, какое число назвать: десять, сто или, может быть, тысячу?

– Много! – с вызовом ответил он на вопрос Карачуна, так и не придя ни к какому решению. – Я не считал!

Карачун снова слегка подался вперед и тихо, с чувством произнес:

– Врешь.

– Почему это я вру? – старательно изобразил недоумение Антип.

– Потому что я не чую за тобой ни одной загубленной души, – все так же проникновенно объяснил ему свою позицию Карачун. – А в этом мне нет равных. Вот хоть у него спроси, – взглядом указал Карачун на Луконю.

Антип удивленно посмотрел на замершего бесенка.

– Ну что, мальчик, – снова обратился к Антипу Карачун. – Сам отдашь нож или мне придется силой у тебя его отобрать?

– Я должен отдать нож вестнику смерти, – прохрипел внезапно пересохшим горлом Антип.

Видя, что напугать Карачуна ножом не удастся, он сунул нож за голенище, давая тем самым понять, что разговор на данную тему закончен.

– Можешь и мне отдать, – сказал Карачун. – Разницы никакой.

– И после этого ты дашь мне уйти? – с надеждой спросил Антип.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся Карачун. – После этого мы немного повеселимся. А еще я собираюсь выяснить, кто тебя сюда притащил.

Антип быстро глянул на Луконю и едва не пропустил момент, когда Карачун кинулся на него.

– Берегись, Антип! – пронзительно закричал бесенок.

Обернувшись, Антип увидел летящую на него темную тень. Антип испытал даже не страх, а завоораживающую глубинную жуть, как во сне, когда чувствуешь близость смертельной опасности и при этом не можешь даже пальцем пошевелить, чтобы попытаться спастись. Он только смог откинуться назад, а рука его медленно, преодолевая колоссальное сопротивление собственной плоти, потянулась к торчащей из-за голенища рукоятке ножа. Рука едва дотянулась до бедра, когда тень Карачуна накрыла его. Антип почувствовал, как у него перехватило

дыхание. Грудь словно сдавило широким металлическим ободом. Смертельный ужас парализовал сознание. Из последних сил Антип потянулся за ножом, но рука не слушалась его. С ужасающей ясностью Антип понял, что должен умереть, но неожиданно почувствовал, как ладони его коснулся прохладный металл витой рукоятки ножа. Как нож оказался у него в руке? Антип не понимал этого и не собирался сейчас ломать голову над этим вопросом. Вместе с прикосновением рукоятки ножа к руке вернулась былая сила. Не теряя времени понапрасну, Антип поднял руку перед собой и крест-накрест рассек блестящим даже в полной темноте клинком обволакивающий его мрак.

С душераздирающим воем, который, казалось, звучал одновременно со всех сторон, темнота отшатнулась от Антипа, и он снова увидел костер и все так же неподвижно сидящее вокруг него навье. Поднявшись с земли, Антип полной грудью вдохнул прохладный ночной воздух, пропитанный запахами сырой земли, прелой травы и могильных цветов.

Черная тень упала на землю и, обретя плоть, снова превратилась в Карачуна. Душегуб лежал на спине, раскинув руки в стороны и судорожно поджав колени. Из груди его, расположенной двумя глубокими разрезами, сочился зеленоватый туман, оседающий вниз и стелющийся по земле.

Антип удивленно посмотрел на свою руку, в которой все еще был зажат нож вестника смерти. Что бы ни говорили про этот нож, но на этот раз он спас Антипу жизнь. Уловив мысленный приказ хозяина, он каким-то чудом оказался у него в руке и сам сделал все, что от него требовалось. Сообразив, что произошло, Антип почувствовал радость, смешанную со страхом. В руках у него находилось грозное оружие, способное убивать, подчиняясь даже неосознанным желаниям своего хозяина. Теперь, когда Антип познал силу ножа вестника смерти, весь вопрос заключался в том, сумеет ли он подчинить нож себе или же нож завладеет его душой, превратив в хладнокровного убийцу.

– Эй, парень, – дернул Антипа за рукав оказавшийся рядом с ним Луконя. – Ты долго собираешься так стоять?

Антип вновь перевел взгляд на поверженного Карачуна. То, что минуту назад казалось мертвым телом, вновь начало обретать жизнь. Или же только видимость жизни, каковой, наверное, и являлось по сути своей существование любой нечисти. Тело Карачуна судорожно дергалось, то переворачиваясь на бок, то снова падая на спину. Внезапно костлявые руки Карачуна с растопыренными пальцами, похожими на тонкие, сухие сучки, взлетели вверх. Замерев на мгновение в таком положении, они затем снова упали вниз, обхватив ладонями вскрытую ножом грудь. Из рта Карачуна вырвался гортанный крик, одновременно с которым он сдвинул грудь руками, сводя вместе края ран.

– Ну? – снова требовательно дернул Антипа за рукав Луконя.

– Что? – непонимающе глянул на бесенка парень.

Карачун рывком поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Казалось, он все еще плохо понимал, где он находится и что с ним произошло. Он поднял руку и медленно провел ладонью по лицу. Взгляд его прояснился и без промедления отыскал Антипа. Карачун оскалился и попытался что-то сказать, но из горла его вырвался только нечленораздельный клекот и хрип.

– Бежим! – пронзительно вскрикнул Луконя и, не дожидаясь реакции Антипа на свой призыв, кинулся в кусты.

Недолго думая, Антип подхватил свой мешок и побежал следом за бесенком.

Действие колдовского чая помогало парню выбирать дорогу во мраке, который не был для него непроглядным. Антип ясно, хотя и в необычном, кажущемся странным зеленоватым свете, видел кусты, темные провалы могил, покосившиеся могильные камни и даже непонятные письмена на них, но все равно не мог угнаться за ловким и юрким Луконей, который не просто бежал без оглядки, а петлял, словно заяц, уходящий от собак. Проламываясь с треском

сквозь заросли кустарника, Антип не мог понять, слышит ли он на самом деле шум и крики приближающейся погони или же ему это только кажется.

Антип едва успел заметить, как Луконя, наклонившись, юркнул в низкую дверцу маленького склепика, наполовину провалившегося под землю. Антипу для того, чтобы заглянуть в дверь, пришлось встать на четвереньки. Что находилось внутри склепа, Антип рассмотреть не смог, он только услышал какую-то возню и напряженное сопение.

– Луконя, – негромко позвал своего провожатого Антип.

– Лезь за мной, – прозвучал откуда-то издалека голос бесенка.

Антип почувствовал сомнение. Склеп, который скорее всего не имел другого выхода, вовсе не казался Антипу безопасным убежищем. Однако у Лукони на сей счет, похоже, имелось иное мнение.

Встав на четвереньки, Антип затолкнул в склеп мешок со своими пожитками, а затем и сам с трудом протиснулся в узкую дверь. Оказавшись внутри, он пополз вперед, ориентируясь на звуки, производимые Луконей.

Вскоре Антип почувствовал, что руки его упрутся уже не в холодные каменные плиты, выстилающие пол склепа, а в сырую землю. По бокам от него были такие же земляные стены, их Антип то и дело задевал плечами. Когда же он попытался приподнять голову, то уперся затылком в низкий свод. Судя по всему, в склепе брал начало подземный ход, о существовании которого было известно Луконе. Хотя с таким же успехом это мог оказаться лаз, прорытый каким-нибудь зверем, обосновавшимся на заброшенном кладбище.

Как бы там ни было, трудов создатель лаза потратил немало. Длина прорытого под землей пути оказалась внушительной. Антип не брался определить с точностью, но считал, что прополз не меньше версты, пока впереди не забрезжил слабый, едва различимый сумеречный свет.

Выбравшись из лаза, Антип поднялся на ноги и потряс головой, чтобы избавиться от набившейся в волосы земли.

То ли ночь сделалась темнее, то ли действие колдовского чая начало ослабевать, только, осмотревшись по сторонам, Антип смог определить лишь то, что находится на песчаной отмели. Хотя и в этом ему помогло не столько зрение, сколько слух, уловивший негромкое журчание воды и скрип песка под ногами.

– Откуда здесь вода? – удивленно обратился Антип к стоявшему неподалеку от него Луконе.

– Река, – коротко ответил бесенок.

– Сосенка? – еще больше удивился Антип.

Ничего не ответив, Луконя полез в заросли камыша.

– Мы не могли так быстро добраться до реки! – уверенно заявил Антип, следуя за Луконей.

– Я же говорил тебе, что на кладбище полно водилок, – не оборачиваясь, ответил ему Луконя. – И чужих могил, которые лучше обходить стороной.

– Я этого не понимаю, – покачал головой Антип.

– А нечего здесь понимать, – ответил ему Луконя. – Лучше помоги мне.

Антип вошел в воду и, протянув руку вперед, ухватился за деревянный борт лодки. Пятясь, вытащил лодку из зарослей камыша на открытую воду.

– Что теперь? – спросил он у почти невидимого в темноте бесенка.

– Теперь садимся в лодку и плывем, – ответил Луконя.

– Куда?

– Вниз по течению.

– Послушай, мне нужно к Запрудам...

– Если не хочешь плыть со мной, – не дослушав, перебил Антипа Луконя, – можешь оставаться здесь и ждать, когда из лаза выберется Карачун.

Сказав это, Луконя полез в лодку.

– Ладно, – пожал плечами Антип и, кинув в лодку мешок, перешагнул через низкий борт.

– Садись на весла, – тут же распорядился Луконя. – Надеюсь, что гребешь ты лучше, чем обращаешься с ножом.

Глава 4

Антип налегал на весла, а сидевший на корме Луконя бодрым голосом отдавал команды: – Энергичнее левым веслом!.. Еще!.. Теперь правым! Быстрее работай правым веслом!..

Вокруг стояла такая тьма, что не видно было даже берегов, и у Антипа складывалось впечатление, что либо лодка плывет по какой-то очень узкой, бесконечно петляющей протоке, либо бесенок попросту издевался над ним. Однако высказывать свое предположение вслух Антип поостерегся. Как бы там ни было, Луконя спас ему жизнь, уведя от Карачуна, и сейчас, когда они плыли неизвестно куда, Антипу вовсе не хотелось портить с бесенком отношения. Лишь однажды Антип робко предложил Луконе на время сесть на весла, на что тот ответил решительным отказом. Хорошо еще, что плыть нужно было по течению, а не против него, иначе к тому времени, когда на краю неба забрезжил рассвет, Антип совершенно выбился бы из сил.

Когда еще не взошедшее солнце разогнало кромешный мрак настолько, что темное небо приобрело сероватый оттенок, Антип смог рассмотреть, что лодка плывет по широкой полноводной реке. Расстояние между холмистыми берегами, поросшими редкими невысокими деревьями, составляло не менее четырехсот локтей.

– Это не Сосенка! – приподнявшись со скамьи, изумленно воскликнул Антип.

– А я и не говорил, что мы плывем по Сосенке, – резонно заметил Луконя.

– Ты обещал вывести меня к Запрудам, – с упреком произнес Антип.

– Когда это было, – беспечно махнул рукой бесенок.

– Ты обманул меня!

– Ты тоже сказал мне, что ты вестник смерти, – тут же парировал Луконя. – И из-за этого нас обоих чуть было не достал Карачун. Это из-за тебя мне пришлось спасаться бегством!

На это Антипу возразить было нечего. Он снова опустился на скамью и взялся за весла.

– Где мы сейчас? – спросил он у Лукони.

– Далеко, – коротко ответил бес.

– Далеко от чего? – попытался уточнить Антип.

– От всего, – ответил Луконя. – От заброшенного кладбища, от Запруд, от Устоя... Что конкретно тебя интересует?

– Как мы здесь оказались?

– Тебя какая версия больше устраивает: про дырки в пространстве, про иные измерения или про водилок? – ехидно поинтересовался Луконя.

Антип обиженно насупился и ничего не ответил.

Солнце поднялось над правым берегом реки, окрасив воду в розоватый цвет.

– Как мне назад попасть? – спросил Антип.

– Поворачивай к левому берегу, – сказал Луконя, делая вид, что не услышал заданный ему вопрос.

Антип послушно исполнил команду, надеясь, что на берегу Луконя наконец-то объяснит ему, что к чему.

Едва лодка ткнулась носом в прибрежный песок, Луконя проворно выпрыгнул из нее на берег.

Антип собрался было последовать за ним, но Луконя жестом велел ему оставаться в лодке.

– Здесь высаживаюсь только я, – сказал бес.

– А как же я? – удивленно развел руками Антип.

– А тебе дальше плыть, – усмехнулся Луконя.

– Ты бросаешь меня?

– А почему, собственно, я должен тебя сопровождать?

– Но ты же обещал меня проводить, – напомнил Луконе его обещание Антип.

– Кто же верит бесу, – усмехнулся Луконя. Он выпрямился, подбоченился и даже как будто сделался выше ростом. – Ты что, думаешь, я действительно принял тебя за вестника смерти? Да мне с самого начала ясно было, что ты просто до смерти перепуганный мальчишка, к которому случайно попал проклятый нож. Ты ведь даже не знал, как с ним нужно обращаться! Ты боялся и этого ножа, и себя самого, поэтому и бежал куда глаза глядят! Я ведь и к костру тебя привел только потому, что жалко тебя, олуха, стало. Не думал, что и Карачун явится туда сегодня. Признаться, ты меня удивил – не думал, что сумеешь завалить этого бугая. В конце концов, я вывел тебя с заброшенного кладбища, а ты мне за это даже спасибо не сказал.

– Я шел к Запрудам, – напомнил Антип.

– И что дальше? – насмешливо посмотрел на него Луконя. – С ножом вестника смерти за голенищем ты ни на одном месте долго не просидишь!

– Что же мне теперь делать? – едва ли не со слезами в голосе спросил Антип.

– Плыви дальше, – указал на реку Луконя. – Ищи свое место в этом мире!

– Я хочу вернуться домой.

– А это уж не моя забота, – усмехнувшись, покачал головой Луконя. – Я бес, а не ангел-хранитель.

– Сам-то ты теперь куда? – спросил Антип.

– У меня свои дела, – ушел от ответа Луконя. – Бесовские.

– Можно мне с тобой? – без особой надежды спросил Антип.

– А, пустой разговор!

Луконя ухватился руками за нос лодки и легко, без видимых усилий толкнул лодку в воду.

Антип вскочил на ноги. Лодка колыхнулась из стороны в сторону и едва не опрокинулась.

– Тебе туда! – махнул рукой в направлении противоположного берега Луконя. – На этом берегу на сотни верст вокруг ни одной живой души.

– Скажи хоть, где я нахожусь? – в отчаянии крикнул Антип.

– Река называется Солма, – как будто с неохотой произнес Луконя. – Про Великие Степи слышал? – Луконя топнул ногой по земле. – Вот здесь они и начинаются. А по другому берегу граница Подлунной Империи проходит. Правда, до обжитых мест там тоже не близко, но если постараться, то еду и кров отыскать сумеешь. Все. Прощай.

Луконя повернулся спиной к реке и решительно зашагал вверх по склону холма.

Антип обиделся на бесенка настолько, что даже не стал смотреть ему вслед, – сразу же сел на весла и выгреб на середину реки. И только когда сильное течение подхватило лодку и понесло ее в полную неизвестности даль, Антип бросил весла и в отчаянии обхватил голову руками. Он рассчитывал пару недель отсидеться в Рустерове у старого приятеля отца, а вместо этого оказался на границе Великих Степей и Подлунной Империи. Для того чтобы попасть в родные края, ему нужно было пересечь Великие Степи. Но пускаться в путь, не имея ни средства передвижения, ни достаточного количества еды, да к тому же еще и не зная точного направления, было бы полнейшим безумием. Не говоря уж о возможности попасть в плен к диким степнякам, орды которых, если верить рассказам купцов, все еще бродят по бескрайним степным просторам.

Как следует все обдумав, Антип пришел к выводу, что Луконя – хотя он бес, обманщик и негодник! – пожалуй, был прав, советуя ему пристать к противоположному берегу. У Антипа было при себе немного денег, которые дал ему отец. При разумном расходовании их должно было хватить дней на десять-двенадцать. По рассказам все тех же купцов, золотые монеты любой чеканки охотно принимались во всех областях Бескрайнего мира. А позже, глядишь, и работа какая подвернется. Антип ведь не только в поле работать умел, но еще и столярничал неплохо, и дом поднять мог пособить.

Молодости не свойственно долго предаваться унынию, а потому вскоре Антип пришел к выводу, что даже неплохо будет провести какое-то время не в Рустерове, где ему был знаком едва ли не каждый двор, а в Подлунной Империи, о которой много чего интересного рассказывали, но где не бывал ни один из Антиповых знакомых. Если прежде Антипу небольшой уездный городок Устой с его ярмарками и зверинцем представлялся центром Вселенной, то теперь перед ним расстился весь мир, и впервые в жизни он волен был сам выбирать себе дорогу.

Антип помнил о своих родных, которые, конечно же, будут беспокоиться, узнав о том, что до Рустерова сын их не дошел, но он рассчитывал, что со временем найдет способ подать им весточку о себе. А когда-нибудь он и сам вернется в Устынь, и не с пустыми руками...

Ну, здесь фантазии Антипа понеслись в запредельную даль. В них уже не присутствовало никакой конкретики. Без какой-либо связи с реальностью Антип воображал себя то удачливым купцом, сколотившим огромное состояние, то лихим воякой, беспримерная храбрость которого принесла ему мундир, усыпанный орденами, и шитые золотом генеральские эполеты.

Но ни одну из этих фантазий Антипу не удавалось довести до счастливого конца. Все время мешала одна-единственная, но весьма существенная деталь – нож вестника смерти, рукоятка которого высывалась из-за голенища сапога. Пока этот проклятый нож был при нем, он оставался изгоем, инородным телом, которое общественный организм исторгал из своей структуры как потенциальный фактор риска. Следовательно, о карьере на время нужно было забыть. Вначале он должен был научиться жить с ножом вестника смерти, не привлекая к себе внимания окружающих или же используя это внимание с пользой для себя. Вторая возможность в настоящее время казалась Антипу весьма сомнительной, но, оценивая все плюсы и минусы своего нынешнего весьма неопределенного положения, он не хотел отказываться даже от призрачных шансов. Существовал еще и третий вариант возможных действий: попытаться избавиться от ножа. Но на нем Антип почти сразу же поставил крест. После того как знакомство с кладбищенской нежитью едва не закончилось для него гибелью, Антип не имел ни малейшего желания искать встречи еще и с вестником смерти. А возможность просто выбросить нож, прежде казавшаяся Антипу вполне приемлемой, теперь, в свете недавно произошедших событий, выглядела как самая что ни на есть несусветная глупость. После того как нож каким-то чудом сам оказался у него в руке, Антип окончательно уверовал в то, что его связывают с ножом если и не колдовские чары, то некие незримые узы, разорвать которые по собственному желанию он был не в силах.

Положив весла на борта лодки, Антип осторожно прислонил ладонь к ноге и попытался уже осмысленно повторить то, что само собой произошло ночью на кладбище. Посмотрев на витую рукоятку ножа, высывающуюся из-за голенища, он мысленно приказал ножу переместиться к нему в руку. Нож остался на месте. Антип попытался усилить мысленный приказ, но нож снова не подчинился.

Потратив минут десять на упражнения с ножом и не добившись никакого результата, Антип пришел к выводу, что либо нож сам решает, когда прийти на помощь своему хозяину, либо для того, чтобы привести его в действие, нужно мысленно произнести некое магическое слово, которое он совершенно неосознанно воспроизвел во время схватки с Карачуном, после чего напрочь забыл его.

Снова взявшись за весла, Антип принялся не спеша грести, помогая лодке плыть вниз по течению великой реки. При этом он держался ближе к правому берегу, стараясь высмотреть на нем что-нибудь, что могло бы указать на близость человеческого жилья. Но вдоль берега по-прежнему тянулись невысокие холмы, поросшие редким кустарником да деревьями с тонкими стволами и полупрозрачными кронами.

День был погожий и ясный. Солнце, поднявшееся над холмами, светило так ярко, что глазам было больно от прыгающих по волнам солнечных зайчиков. Такие теплые безоблачные

дни в конце лета обычно возвещают о том, что близится ранняя осень с ее непогодой и ночными заморозками.

Несмотря на бессонную ночь, спать Антип не хотел, а вот пустой желудок давно уже давал знать о том, что пора бы и перекусить. Положив весла в лодку, Антип заглянул в свой мешок, чтобы выяснить, что в нем осталось съестного. Весь хлеб ночью съели мертвяки, но Антипу удалось отыскать на дне мешка пару вареных картофелин, большой пупырчатый огурец и шматок сала размером с ладонь, с розовыми прожилками мяса. Разложив всю эту снедь рядом с собой на скамье, Антип приступил к позднему завтраку.

Наевшись, он аккуратно завернул оставшийся кусок сала и половинку огурца в чистую тряпицу и убрал в мешок. Еды оставалось всего ничего, а сколько ему еще предстояло плыть до ближайшего жилья, трудно было даже загадывать. Подумав, Антип решил причалить к берегу и осмотреть окрестности. Кто знает, возможно, местное население не имело привычки селиться по берегам рек и Антип проплыл мимо уже не одно селение, скрытое от него прибрежными холмами.

Антип уже взялся за весла, когда вдруг до него донеслось негромкое протяжное бление. Бросив весла, Антип вскочил на ноги и посмотрел на берег. На вершине недалекого холма, привязанная длинной веревкой к вбитому в землю колышку, паслась самая что ни на есть обыкновенная белая коза. Глядя на Антипа, коза вытянула шею и еще раз призывно проблеяла.

Антип сел на скамью, снова схватился за весла и, развернув лодку поперек течения, принялся изо всех сил выгребать к холму, на котором паслась коза. Тут уж никаких сомнений быть не могло: раз коза на привязи – значит, и люди близко.

Сильное течение все же снесло лодку ниже холма, к которому правил Антип. Едва только лодка ткнулась носом в песок, Антип выпрыгнул на берег. Быстро оглядевшись по сторонам и никого не заметив, он ухватился за нос лодки и выволок ее на берег, чтобы не унесло течением. После этого, подхватив свой заплечный мешок, Антип начал торопливо подниматься по склону. Ему не терпелось наконец-то увидеть людей.

Коза, пасшаяся на холме, ткнулась носом Антипу в бедро, едва он подошел к ней. Антип потрепал козу по голове и направил свой взгляд на местность, расстилающуюся по другую сторону холмов. Вопреки ожиданиям, он увидел не село и даже не маленькую деревеньку, а всего один неказистый домишко, стоявший на полпути между берегом реки и лесом, которому не было видно ни конца, ни края. К дому прилегал небольшой огородец, а чуть в стороне от него стоял крохотный сарай, в котором, должно быть, проводила темное время суток встретившая Антипа коза.

Антип с досадой цокнул языком – совсем не такое убогое жилье рассчитывал он увидеть, причаливая к берегу. Да и кто мог жить в этом домишке, вдали от людей? Как бы не встретить снова какую-нибудь нечисть...

Однако делать было нечего. Кроме того, у Антипа возникли сомнения, был ли откровенен Луконя, когда сказал, что они оказались на границе Великих Степей и Подлунной Империи, или же снова шутики шутил? У обитателей дома за холмами можно было по крайней мере узнать о месте своего нахождения и выяснить, далеко ли до ближайшего селения. Решение было принято, и Антип, похлопав козу по мягкому округлому боку, побежал вниз.

Огород окружала невысокая изгородь из тонких колышков, через которую Антип просто перепрыгнул, не найдя калитки. Рубленый дом был повернут крыльцом к лесу. Обходя его слева, Антип заглянул в окно. К его удивлению, стекло в окне было тонким и абсолютно прозрачным. Такие стекла в Устое можно было увидеть только в очень богатых домах. Основная же масса населения в знакомых Антипу местах пользовалась куда более дешевыми, изготовляемыми местными стекольщиками толстыми мутными стеклами, через которые можно было разглядеть разве что только темные силуэты людей и предметов по другую сторону.

В окне, занавески на котором оказались раздвинуты, Антип увидел небольшую чисто прибранную комнатку: деревянный стол, две скамьи – у стены и вдоль каменной печи с лежанкой – и сундук в углу. На столе стоял кованый подсвечник, на котором двумя лесенками, сбегающими в противоположные стороны, располагались семь оплавленных свечей. В комнате никого не было, если не считать большого, толстого угольно-черного кота, сидевшего на скамье у печи и смотревшего прямо на незваного гостя круглыми зелеными глазами, от немигающего взгляда которых Антипу сделалось не по себе.

Миновав окно, Антип обогнул угол дома и вышел к невысокому крыльцу с пятью покосившимися ступеньками, на котором, в ожидании гостя, уже стоял хозяин. Одно про него можно было сказать точно: это был старик. А вот сколько лет ему было – поди угадай. Кожа на лице и руках старика была дряблая и морщинистая, как у деда Филимона из Устыни, которому, как слышал Антип, через год должно было стукнуть ровно сто лет, взгляд же был пронзительным и ясным, как ни у одного другого старика. Если бы Антип и хозяин дома взялись помериться, кто дальше разглядит птицу, парящую в небе, то неизвестно еще, кто из них двоих вышел бы победителем. У старика была широкая окладистая борода, белая, как только что выпавший снег, и лысая, как колено, голова. Лысину прикрывала небольшая круглая шапочка с плоским верхом, расшитая разноцветными узорами. Антип никогда прежде не видел такого чудного головного убора. Одет старик был тоже довольно странно. На нем были синие шаровары, такой же синий стеганный халат с полами, закрывающими колени, и низкие сапожки с острыми носами.

Увидав Антипа, старик обратился к нему на каком-то непонятном языке, звучавшем плавно и напевно. Слова в нем были длинные с большим числом гласных и мягкими согласными. Произнеся пару фраз, старик вопросительно посмотрел на гостя.

Антип улыбнулся и беспомощно развел руками.

Старик понимающе кивнул и произнес фразу на другом языке, изобилующем резкими гортанными звуками.

Антип старательно вслушивался в произносимые стариком слова, но так и не смог понять ни одного из них.

– Простите, уважаемый, – смущенно улыбнулся Антип. – Но мне известен только один язык, на котором говорят у меня дома.

Старик смерил Антипа удивленным взглядом.

– Мне знаком этот язык, – медленно произнес он.

Фраза была выстроена правильно, и слова старик произносил верно. Лишь только по несколько искаженным окончаниям слов можно было догадаться, что язык этот не был для него родным. Или же он давно не разговаривал на нем.

– Ты из Белоземья? – спросил старик.

Антип обрадовался – если старику известно место, откуда он родом, то он, конечно же, сумеет указать ему дорогу домой!

– Меня зовут Антип, – быстро представился парень. – Я из Устыни. Это такое селение. Может, слышали?

Старик отрицательно качнул головой.

– Ну, об Устое вы наверняка уж слышали? – с надеждой спросил Антип. – Это уездный город, не очень большой, но все же...

Не дослушав Антипа, старик снова повел головой из стороны в сторону.

Надежда на то, что Луконя обманул его и на самом деле он находится не так уж далеко от дома, рухнула. Антип почувствовал, как в горле у него снова, как и после расставания с мелким бесом, встал горький ком.

– Где же я в таком случае нахожусь? – спросил у старика Антип.

– Я так полагаю, что у меня в гостях, – мягко улыбнувшись, ответил тот и приглашающим жестом указал на дверь.

Глава 5

Пройдя следом за хозяином через небольшие сени, Антип вошел в ту самую комнату, которую рассматривал через окно. Справа находилась дверь, ведущая в соседнюю комнату. Слева, за печкой, – небольшая кухонька, с полками, уставленными кухонной утварью, и подвешенным над ведром рукомойником. В углу кухни, возле печи, стоял странного вида железный шкаф на высоких кованых ножках. Две толстых жестяных трубы выходили из днища шкафа, тянулись вдоль стены и уходили куда-то за печку.

В комнате над столом висели большие часы в шестигранном корпусе, циферблат их был закрыт удивительно прозрачным стеклом, похожим на огромный кристалл. Антипа удивило то, что у этих часов в отличие от ходиков, которые он видел в доме сельского старосты, не было ни маятника, ни гирек. И тем не менее, прислушавшись, можно было различить негромкие равномерные щелчки часового механизма.

Взгляд Антипа надолго задержался на картине в простенькой квадратной рамке из аккуратно оструганных реек, висевшей рядом с часами. На картине был изображен человеческий череп без нижней челюсти, стоящий на старом дубовом столе, доски которого рассохлись и потрескались от времени. Левая глазница черепа была затянута тоненькой паутиной, а присмотревшись как следует, можно было рассмотреть и самого паучка, сидевшего у самого края пустого глазного отверстия. Никогда прежде Антипу не доводилось видеть ничего подобного. Изображение казалось неправдоподобно реальным. Краски, подобранные неизвестным художником, удивительно точно соответствовали цветам оригиналов. Форма, объем и фактура предметов были переданы настолько искусно, что казалось, можно протянуть руку и положить ее на стол рядом с черепом. Все самые мельчайшие детали были выписаны с такой тщательностью, что можно было разглядеть даже мелкие крошки, забившиеся в трещины на столе. Казалось невероятным, что можно добиться такого поразительного сходства между предметом и его изображением, которое не просто абсолютно соответствовало реальности, но даже в чем-то превосходило ее.

– Нравится? – заметив изумленный взгляд Антипа, поинтересовался старик.

Антип только руками развел, не найдя слов, коими можно было бы описать впечатление, произведенное на него картиной.

– Особая техника, – сказал старик, отвечая на незаданный вопрос. – Гиперреализм. Работа мастера Первой эпохи. Сейчас так уже никто не пишет. Да и краски для подобной живописи нужны особые – нынче таких не сыщешь.

– А где же их доставали древние мастера? – спросил Антип.

– Ну, ты задал вопрос! – усмехнувшись в седую бороду, старик покачал головой. – Откуда же мне это знать?

– Простите...

Антип непонятно почему смутился. То ли вопрос, который он задал хозяину дома, казался ему невероятно глупым, то ли стыдно стало за собственное невежество – прожил на свете двадцать лет, а ни разу даже не слышал ни о гиперреализме, ни о мастерах Первой эпохи.

– Ничего, – старик снисходительно похлопал Антипа по плечу. – Глуп не тот, кто задает вопросы, а тот, кому и без них все ясно. Есть будешь?

Успев перекусить в лодке, голода Антип не чувствовал, но от горячей домашней еды отказываться не стал.

Старик усадил парня на скамейку и быстро собрал на стол.

Каша, которую он предложил Антипу, по виду напоминала густой клейстер, но на вкус оказалась отменной. В особенности после того, как Антип добавил в нее пару ложек прозрач-

ного, как янтарь, душистого меда из глиняного горшочка, что старик поставил рядом с его тарелкой.

После каши старик предложил парню кусок мяса, зажаренный с луком. На этот раз он поставил рядом с тарелкой небольшой кувшинчик с узким горлом и положил странный предмет, похожий на маленькую острогу.

Заметив удивленный взгляд Антипа, старик взял необычный предмет в руку.

– Это вилка, – сказал он и наколот на трезубец кусок мяса.

Взявшись за вилку с некоторым предубеждением, Антип вскоре был вынужден признать, что есть с ее помощью мясо куда удобнее, чем с ножа.

В кувшинчике оказалась густая масса красного цвета, которую старик назвал томатным соусом и предложил использовать в качестве приправы к мясу. Соус пришелся Антипу по вкусу, и он в один момент расправился с предложенной ему едой.

Убрав со стола тарелки, старик поставил на их место кружки под чай. Наполнив кружки, он взял из стоявшей на столе плоски два кусочка колотого сахара и бросил их в свою кружку. Размешав сахар в чае, старик сделал пару неторопливых глотков, после чего поставил кружку на стол, сложил руки перед собой и с интересом посмотрел на сидевшего напротив него парня.

– Так как же ты оказался в наших краях, Антип?

Вопрос был задан мягко, без настойчивости и даже как будто без особого желания получить на него ответ. Старик понимал, что парню много чего нужно рассказать, и просто хотел помочь ему начать.

– Как я сюда попал? – задумчиво повторил вопрос старика Антип. – Сказать по чести, я даже не знаю, где сейчас нахожусь.

– Река, со стороны которой ты пришел, именуется Солмой, – сказал старик. – Она разделяет Великие Степи и земли, входящие в Подлунную Империю. Судя по языку, на котором ты разговариваешь, ты пришел из страны, именуемой Белоземьем, что лежит по ту сторону Великих Степей.

– Похоже на то, – грустно кивнул Антип. – Только... – Антип в отчаянии махнул рукой. – Я и сам толком не пойму, как здесь оказался!

Старик сделал еще пару глотков из своей кружки, после чего взял чайник и подлил горячего чая себе и Антипу.

– Давай-ка, парень, рассказывай все с самого начала. – Старик сел на свое место, и тотчас же на колени ему запрыгнул большой черный кот. – Рассказывай. – Глядя на Антипа, старик автоматическим движением провел ладонью по шерсти кота. – А там, глядишь, вместе во всем и разберемся.

– Сначала... – Антип криво ухмыльнулся. – Вот с него-то все и началось.

Вытянув из-за голенища нож, Антип положил его на край стола, острием к себе, словно предлагая старику взять нож в руку. Однако старик до ножа не дотронулся, только внимательно посмотрел на него, после чего перевел ничего не выражающий взгляд на Антипа и спокойно произнес:

– Хороший ножик.

– Это нож вестника смерти, – доверительным тоном сообщил собеседнику Антип.

Старик снова скосил взгляд на нож, после чего высказал свое мнение:

– Похож. Хотя, возможно, что подделка.

– Нож настоящий, – заверил его Антип.

– Надо проверить.

Старик поднялся из-за стола и не спеша прошел в соседнюю комнату.

Вернулся он через пару минут, держа в одной руке толстое увеличительное стекло в серебряной оправе, а в другой – небольшую склянку темного стекла с плотно притертой пробкой.

– Поверни нож острием ко мне, – велел Антипу старик.

После того как Антип сделал то, что от него требовалось, старик сел и внимательно осмотрел лезвие ножа через увеличительное стекло. Затем он отложил стекло в сторону, открыл принесенную склянку, опустил в нее стеклянную палочку и нанес на лезвие ножа большую каплю вязкой, чуть желтоватой жидкости. Едва соприкоснувшись с металлом, жидкость зашипела и вспенилась. Выждав пару минут, старик взял в руки кусочек мягкой белой материи и осторожно, не касаясь пальцами ножа, стер с его лезвия белый хлопьевидный налет, в который превратилась жидкость. Затем, кинув тряпку на край стола, он вновь вооружился увеличительным стеклом и еще более внимательно, чем прежде, изучил лезвие ножа.

– Все верно, – сказал он, выпрямив спину. – Это нож вестника смерти. Твоя история обещает оказаться куда более интересной, чем я ожидал.

Не дожидаясь новых вопросов, Антип начал рассказывать. Все с самого начала, с того самого момента, когда, перевернув старый пенёк, он увидел среди его корней нож, который сразу же ему понравился.

Старик слушал внимательно, не перебивая, время от времени поглаживая кота, снова забравшегося к нему на колени.

– Вам не кажется все это невероятным? – спросил Антип, дойдя до событий на заброшенном кладбище.

– Отнюдь, – качнул головой старик. – Мне приходилось слышать и куда более фантастические истории. А некоторые события, участником которых я сам был... Но продолжай...

Антип рассказал старику о чаепитии с навьем, о схватке с Карачуном и о бегстве, в результате чего он вместе с Луконей оказался в лодке, плывущей по реке, протекающей за сотни тысяч верст от того места, где они до этого находились.

Данный эпизод вызвал у старика особый интерес.

– Мне и прежде приходилось слышать о внепространственных переходах, но вот самому пользоваться ими не доводилось, – сказал он, прервав Антипа. – Было бы превосходно, парень, если бы тебе удалось припомнить какие-нибудь детали.

– Да какие там детали, – озадаченно наморщил лоб Антип. – Ползли по какой-то темной норе. Узко, еле протиснуться... Земля сырая вокруг... Луконя мне все про каких-то водилок рассказывал, – вспомнил Антип.

– Это все сказки, – махнул рукой старик. – Твой Луконя знал, где находится точка перехода, просто не хотел тебя в это посвящать. Знаю я этих бесенят, кому угодно голову заморочат.

– Ну, может, и так, – не стал спорить Антип.

– А как выглядел выход? – тут же спросил старик.

– Да темно же кругом было, – словно оправдываясь, сказал Антип. – Ночь безлунная.

– Ну да, конечно, – быстро кивнул старик. – Иначе Луконя и не повел бы тебя через переход.

– А что это за переход такой? – спросил, в свою очередь, Антип.

– Судя по всему, это особые точки в пространстве, пройдя через которые можно в один миг оказаться за тысячи верст от первоначального места, – объяснил старик. – А если знать, как пользоваться переходом, то можно заранее наметить то место, куда желаешь попасть.

– Выходит, что по всему миру можно путешествовать без лошадей? – удивился Антип.

– Совершенно верно, – ответил старик. – Если знать места расположения точек переходов. Вот только похоже, что знания эти сохранились лишь среди нечисти, а она не очень-то стремится поделиться ими с людьми.

– Значит, Луконя мог меня через этот переход куда нужно доставить! – воскликнул, осененный внезапной догадкой, Антип.

– Ну, об этом мне трудно судить, – развел руками старик. – Вполне возможно, что переход, которым вы воспользовались, связывал только две определенные точки пространства, и попасть с его помощью куда-либо еще, помимо берега Солмы, было просто невозможно.

– Но Луконя знал, где находятся другие точки перехода!

– Послушай, парень, – успокаивающе поднял руку старик, – все, что касается внепространственных переходов, это только мои предположения, основанные на рассказах тех, кому доводилось ими пользоваться. А рассказы эти были не более определенные, чем твой. Единственное, что всех их связывает, это обязательное присутствие кого-либо из нечисти, кто и проводит человека через точку перехода. Порою в результате этого человек переносится в сторону всего на несколько шагов, порою – на сотни тысяч верст, как случилось с тобой. Но никогда после этого человек не может самостоятельно найти точку перехода. Слышал выражение «заблудиться в трех соснах»? Оно как раз и описывает ситуацию, когда нечисть раз за разом проводит человека через одну и ту же точку ближнего перехода, в результате чего бедолага, постоянно двигаясь вперед, все время оказывается в одном и том же месте. Если бы я мог лично исследовать хотя бы один из таких переходов! – мечтательно вздохнул старик.

– Откуда они взялись, эти переходы? – поинтересовался Антип, вспомнив замечание старика относительно умения задавать вопросы.

– На этот счет существуют разные теории, – с готовностью начал объяснять старик. Должно быть, живя в одиночестве, он испытывал недостаток общения и теперь стремился возместить его, пока нежданный гость снова не собрался в дорогу. – Ряд исследователей считают их природными образованиями, которые появляются и исчезают в соответствии с расположением зодиакальных созвездий. Я же склонен считать их артефактами, оставшимися от Первой эпохи. Такими же, как и многие другие, коими мы пользуемся в повседневной жизни, порою даже не задумываясь об их происхождении. Косвенным подтверждением этого является и то, что, как я уже говорил, пользоваться ими умеет только так называемая нечисть, а ее представители, как известно, являются единственными разумными живыми существами, дожившими до наших дней со времен Первой эпохи.

Честно говоря, для Антипа это было совершенно не очевидно. Нечисть для него всегда была просто нечистью – потусторонними существами, явившимися в этот мир для того, чтобы пакостничать и строить людям всяческие каверзы, а также насылать порчу, всевозможные болезни и беды. А о том, что представляет собой Первая эпоха, он вообще имел весьма смутное представление. Так, слышал что-то краем уха о том, что в незапамятные времена в Бескрайнем мире жили другие народы, да и сама жизнь тогда была совершенно иной. Знал, что от Первой эпохи остались в мире некие загадочные предметы, назначение которых не всегда понятно, и тайные знания, которыми пользуются только посвященные. Да и мертвяки с заброшенного кладбища прошлой ночью тоже, вспоминая прошлое, упоминали Первую эпоху. Этим все познания Антипа в данном вопросе и ограничивались. Однако, не желая демонстрировать свою полную неосведомленность, выслушав слова старика, Антип с серьезным видом кивнул.

– Вообще-то тебе бы не ругать, а поблагодарить следовало того бесенка, что завел тебя сюда, – заметил старик.

– С чего бы вдруг? – прищурился Антип.

– В твоих краях тебе все равно бы жизни не было, – ответил старик. – Люди боятся вестников смерти, и есть за что. Поэтому твои соседи сделали бы все от них зависящее, чтобы заставить тебя уйти.

– Я не вестник смерти, – мрачно буркнул Антип.

– Я знаю, – улыбнулся ему старик. – Но для большей части людей тот, в чьей руке находится нож вестника смерти, таковым и является. Открыто против тебя выступить скорее всего никто бы не решился. Но если бы ты сам не пожелал уйти, то как-нибудь невзначай загорелся

бы твой дом. Потом кто-нибудь подмешал бы отраву в пищу скотине. Может быть, пригрозили бы расправой твоим близким...

– У нас в селе люди не такие! – уверенно перебил старика Антип.

– Молод ты еще, парень, – снисходительно улыбнулся ему старик. – Не знаешь ты пока еще людей. У каждого из нас в душе такая темная бездна сокрыта, в которую и самому-то заглянуть порою жутко бывает. Страх способен многих человеческого облика лишить. Тебе повезло, что ты оказался в местах, где никто не знает, кто ты такой. Вот только нож свой спрячь и перед каждым встречным без нужды напоказ не выставляй.

– А вас разве не пугает то, что за одним с вами столом сидит человек с ножом вестника смерти? – спросил Антип.

– А по мою душу уже не один вестник смерти приходил, – лукаво улыбнулся старик – Да только все они так ни с чем и ушли.

– Разве такое возможно? – удивился Антип.

– Мало ты чего еще в этой жизни повидал, парень, – совсем не обидно, по-доброму расмеялся старик. – Поэтому много чего еще не понимаешь.

– А я разве спорю, – так же с улыбкой развел руками Антип. – Вот только никто не берется научить.

– А чему ты хотел бы научиться? – склонив голову к плечу, спросил старик.

Антип от неожиданности даже растерялся. Вопрос был задан так, словно старик сам готов был взяться научить Антипа всему, что он только пожелает.

– Не знаю, – честно признался Антип. – Мне вообще-то все интересно. Я ведь только и знаю, что работу в поле да кое-что по хозяйственной части.

– Это уже немало, – заметил старик. – Большинству людей вполне достаточно только тех знаний, которые непосредственно связаны с той работой, которой они зарабатывают себе на жизнь.

– Я хочу другого, – уверенно заявил Антип.

– Чего же? – с интересом прищурился старик.

– Ну, например, когда мой отец бросает зерно в землю, он знает, через сколько дней оно взойдет. А мне интересно понять, что такого происходит с зерном, почему оно вдруг в зеленый росток превращается. Я хочу узнать, как весь мир устроен. Почему в нем все происходит так, как происходит, а не иначе?

– Глобальный вопрос, – усмехнулся старик.

– Как? – не понял Антип.

– На такой вопрос в двух словах не ответишь, – по-иному выразился старик. – Да и вряд ли найдется человек, который знает точный ответ на него.

– Это я понимаю, – кивнул Антип. – Кривой Ван, шинкарь из нашего села, говорит, что познать мир до конца невозможно, но любое новое знание приближает человека к пониманию сущности и первопричины мироздания.

– Ваш шинкарь, должно быть, мудрый человек, – заметил старик. – Но что ты хотел бы узнать первым делом?

– Что мне делать с ножом вестника смерти? – не задумываясь, спросил Антип.

– А что ты сам думаешь по этому поводу? – задал встречный вопрос старик.

– Кривой Ван говорил мне, что избавиться от ножа, иначе как вернув его вестнику смерти, невозможно. – Сказав это, Антип вопросительно посмотрел на старика.

– Верно, – коротко кивнул тот и не сказал более ни слова.

– Еще говорят, что если не избавишься от ножа, то со временем сам превратишься в вестника смерти.

– А вот это как раз довольно-таки широко распространенное заблуждение, – уверенно заявил старик. – Я лично знал двоих человек, которые владели ножами вестников смерти и оставались при этом обычными людьми, не испытывающими патологической тяги к убийствам.

– Правда? – с надеждой посмотрел на своего собеседника Антип.

– Истинная правда, – ответил ему старик.

– И вы можете свести меня с этими людьми?

– Увы, – с сожалением развел руками старик. – Одного из них, как мне известно, уже нет на этом свете, а где искать другого, я не имею ни малейшего представления. Дело в том, что, испытывая страсть к путешествиям, он никогда не сидит на месте. Раз в три-четыре года он заезжает ко мне, чтобы рассказать о своих новых приключениях и показать карты земель, в которых до него никто еще не бывал. Но я не могу даже приблизительно сказать, когда он явится сюда в очередной раз.

– Но неужели вам так-таки вообще ничего не известно о том, как им удалось совладать с силой ножа? – все еще не желая оставлять надежду, которая сделалась почти призрачной, спросил Антип.

Старик ответил не сразу. Сначала он допил чай, остававшийся у него в кружке. Затем заново наполнил ее и бросил в чай пару кусков колотого сахара. После этого старик погладил кота и посмотрел на Антипа так, как не смотрел еще ни разу. Казалось, он хотел заглянуть в самую душу сидевшего напротив него парня, чтобы понять, каково соотношение добра и зла, заложенных в нее природой. Антип почувствовал себя неловко и с трудом удержался от желания отвести взгляд в сторону.

– Я могу научить тебя противостоять той злой воле, которую старается навязать тебе нож, – сказал наконец старик. – Если у тебя хватит природных способностей и терпения, то ты сможешь держать этот нож при себе и не бояться причинить зла кому бы то ни было. Но я не смогу научить тебя пользоваться этим ножом. Для этого нужен прирожденный воин. А я и в лучшие-то для себя времена с неохотой брался за нож или меч.

– Сколько времени это займет? – быстро спросил Антип.

– Это уж как дело пойдет, – развел руками старик. – Может, год, а может, и все десять. – Заметив, как сник при этих его словах Антип, старик улыбнулся и добавил: – Ну, ты-то, как мне кажется, быстро всему обучишься. Плохо только то, что нож уже сам к тебе в руку прыгает.

– У меня это всего один раз и получилось, – смущенно признался Антип. – После, сколько ни пробовал, никакого толка.

– Пока твоя воля слабее силы ножа, пускать его в дело не следует, – строго произнес старик. – Вот когда научишься ножа не бояться, тогда и найдешь кого-нибудь, кто научит тебя, как им пользоваться.

– Да мне это и ни к чему вовсе, – махнул рукой Антип. – Мне бы спрятать этот нож куда подальше, да и забыть о нем.

– Очень глупо, – с укором покачал головой старик. – Глупо иметь в своих руках такую удивительную вещь и не уметь ею пользоваться. Все равно что собирать книги, не умея читать.

– Читать я умею, – поспешил заверить Антип.

– И то хорошо, – улыбнулся старик.

– У меня есть немного денег, – Антип достал из-за пазухи кошелек и встряхнул им, звякнув монетами. – Я могу заплатить вам за начало обучения. А потом найду какую-нибудь работу поблизости и заработаю, сколько нужно.

– Поблизости ты никакой работы не найдешь, – усмехнулся старик. – Потому что не живет никто от меня поблизости. До ближайшего города, в котором можно на работу наняться, дней десять пути.

– А если по реке? – спросил Антип, вспомнив про оставленную на берегу лодку.

– Если плыть по реке, то за сутки с небольшим можно добраться до Анцыпала, – ответил старик. – Это небольшой порт, и работу там, наверное, сыскать можно. Да ты же ни языка, на котором говорят в Подлунной, ни обычаев местных, ни законов не знаешь. В Подлунной к чужакам относятся терпимо, но установленные здесь правила поведения выполнять необходимо неукоснительно.

– Правила или законы? – переспросил Антип.

– Закон в Подлунной один – это Гудри-хан, нынешний император Подлунной. Когда же я говорю о правилах, то имею в виду правила поведения в присутственных местах. В Подлунной Империи действует весьма сложная иерархия государственных служащих и чиновников, незнание которой зачастую может стоить жизни.

– Ну, как-нибудь устроюсь, – не очень уверенно ответил Антип. – Все одно, другого выбора у меня нет.

– Оставайся у меня, – предложил неожиданно старик. – Будешь помогать мне в работе и по хозяйству, а я тебя за это кормить и учить стану. К весне язык здешний подучишь, тогда и отправишься в город. Может, к тому времени и попутчик тебе сыщется.

Антип не мог не обрадоваться такому предложению. Однако последние два дня научили его быть осторожным в общении с незнакомыми людьми.

– А вы-то сами как здесь один живете? – спросил он у старика.

– У меня все, что нужно для жизни, имеется, – ответил тот. – А то, чего не хватает, гости привозят.

– Что за гости? – с подозрением посмотрел на старик Антип.

– Ко мне разные люди приходят, – уклончиво ответил старик.

– А с нечистью вы, часом, не знаете? – осторожно спросил Антип.

Откинув голову назад, старик звонко рассмеялся.

– Видно, здорово тебя нечисть напугала, – сказал он, весело глянув на Антипа.

– Вы о себе ничего не рассказывали, – насупился Антип. – Все только меня расспрашивали. А я, прежде чем решить, остаться ли у вас, знать должен, кто вы такой, почему один здесь живете и чем занимаетесь.

– Верно говоришь, – согласился со словами Антипа старик. – Начнем по порядку. С нечистью я не знаю, хотя кое с кем из них познакомиться не отказался бы. Живу один, потому что мне это нравится. А люди ко мне приходят за лекарствами и советами, как лечить те или иные болезни.

– Так вы, выходит, ведун! – обрадовался Антип.

– Не ведун, а ученый, – подняв вверх указательный палец, поправил его старик. – Я изучаю мироздание, пытаюсь приблизиться к пониманию его первопричины.

– Ну и как, получается? – с чрезвычайно серьезным видом поинтересовался Антип.

– С переменным успехом, – улыбнулся старик.

– А вот скажите-ка мне, – сразу же перешел к делу Антип, – почему камень, когда его кинешь вверх, снова на землю падает?

– Всему свое время, – ответил старик. – Придет пора, и на этот свой вопрос ты ответ получишь. Но сначала давай-ка с твоим ножом разберемся.

Старик снова сходил в соседнюю комнату и принес оттуда небольшую узкую шкатулку, размерами как раз под нож, сделанную из дерева красноватого цвета. На плоской крышке шкатулки по углам были набиты металлические пластины с чеканными изображениями голов каких-то невообразимых уродцев, похожих одновременно и на животных, и на людей. Повернув маленький ключик в замке, старик открыл шкатулку, которая, к удивлению Антипа, оказалась пустой.

– Клади нож в шкатулку, – велел Антипу старик.

Антип взял нож в руку, но, прежде чем положить его в шкатулку, все же спросил:

– И что это даст?

– Шкатулка экранированная.

– Как? – удивленно переспросил Антип.

– Ну, вроде как заговоренная, – объяснил старик. – Находясь в ней, нож временно теряет свою власть над тобой.

Вполне удовлетворенный таким объяснением, Антип осторожно положил нож в шкатулку.

Старик быстро захлопнул шкатулку и дважды повернул ключ в замке.

– Все, – сказал он, положив ладонь на крышку шкатулки. – На время о ноже можешь забыть.

– Но вы ведь собирались научить меня, как правильно обращаться с ножом, – удивился Антип.

– Для этого тебе сам нож не потребуется, – ответил старик. – Будешь тренировать свое сознание и волю на других, куда менее опасных предметах.

– А нельзя ли его там навсегда оставить? – взглядом указал на шкатулку Антип.

– Нет, – коротко ответил старик.

Давать какие-либо объяснения по этому поводу он не счел нужным, а Антип не решился задавать новые вопросы относительно дальнейшей судьбы ножа. Вместо этого он спросил у старика о другом:

– Как мне вас называть? Вы до сих пор не сказали мне своего имени.

Старик на секунду задумался.

– А называй-ка меня просто дедом, – сказал он, улыбнувшись. – Пусть гости думают, что мы с тобой сродственники. Меньше вопросов задавать станут.

Глава 6

Так и остался Антип жить в доме старого отшельника.

Дед отвел Антипу маленькую каморку, дверь в которую находилась прямо в сенях. В каморке стояла узкая деревянная кровать, да доска, положенная на козлы, выполняла роль небольшого столика. Антипу большего и не требовалось – было бы место, где голову преклонить.

Хозяйство у деда был небогатое. Помимо козы, которую Антип уже видел, жили в его доме еще десяток кур и большой петух с огромным красным гребнем, гордый и надменный, словно сам император Подлунной. Дед так и называл его – император. Но при этом в погребе на леднике имелось достаточно запасов вяленого мяса, соленой рыбы, сыра и прочей снеди. Должно быть, продовольствие доставляли деду те самые странные гости, о которых он упоминал.

В огороде у деда имелось множество диковинных растений, каких прежде Антип и не видывал. Помимо тех, что шли в пищу, росли там и травы, которые использовал дед для приготовления лекарств. Про каждую из них, прежде чем сорвать, дед подробно рассказывал Антипу: давал траве название на нескольких языках, говорил, где она растет, от каких болезней ей помогает и в какую пору ее собирать следует.

По первому времени дед доверял Антипу только работу по хозяйству. Приходилось Антипу за козой да курами присматривать, в огороде землю копать, по воду ходить, дрова колоть, еду готовить, в доме да на дворе убираться, чинить старую мебель да одежду. Привычному к хлопотам по дому Антипу подобная работа была не в тягость. Да и времени они занимала немного. В свободное же время Антип занимался с дедом, который учил его языку Подлунной, рассказывал об истории Империи и ее нынешнем государственном устройстве. От деда узнал Антип и о том, как пользоваться календарем Подлунной, и о метрической системе мер и весов, которая оказалась куда удобнее и практичнее той, что была принята в Белоземье.

– А когда ножом начнем заниматься? – то и дело спрашивал у деда Антип.

– А мы уже им занимаемся, – с лукавой искоркой в глазах отвечал ему на это старик.

– Как так? – недоумевающе разводил руками Антип.

– Чем больше знаний у тебя в голове, тем труднее ножу оказывать на тебя свое пагубное воздействие, – говорил дед. – Те двое, про которых я тебе говорил, что такие же ножи имели да сами вестниками смерти не стали, оба умниками были такими, что поискать.

Со временем дед начал привлекать Антипа и к помощи в приготовлении лекарств. В дальней комнате, где, как по первому времени думал Антип, находилась спальня деда, на самом деле располагалась превосходно оборудованная лаборатория. Спал же дед за ширмой в углу в странном мешке, подвешенном за два конца, который он называл гамаком, и при этом уверял, что так спать гораздо удобнее, чем на кровати.

Сначала Антип просто скатывал пилюли и разливал в пузырьки травяные настои. Занятие было несложным, но попервоначально Антипа раздражало то, что дед постоянно требовал, чтобы он работал «стерильно». Антип долго не мог взять в толк, что именно дед понимает под этим странным словом.

– В окружающей нас среде присутствует множество мельчайших живых существ – микробов, большинство из них способны, попав в организм человека, вызвать заболевание, – старательно втолковывал Антипу дед.

– И в воздухе? – недоверчиво спрашивал Антип.

– Конечно.

– И, значит, с каждым вздохом я проглатываю десяток-другой этих самых микробов?

– Не десятки, а тысячи, – поправлял Антипа дед.

– Так почему же я до сих пор все еще жив?! – заранее торжествуя победу, радостно восклицал Антип.

– Потому что твой организм имеет несколько защитных барьеров, препятствующих внедрению в него и размножению микробов, – невозмутимо отвечал на вопрос Антипа дед. – Защитные же барьеры организма больного человека, для которого и предназначены изготовляемые нами лекарства, ослаблены. И мы должны сделать все возможное, чтобы в организм больного не попали вместе с лекарствами новые болезнетворные микробы.

Антип с сомнением качал головой. Но вне зависимости от того, верил он в крошечных невидимых убийц, витающих в воздухе, или нет, со временем у него вошло в привычку, прежде чем браться за работу, тщательно мыть руки, а затем протирать их винным спиртом, которого в доме у деда имелось изрядное количество. А горлышко каждого пузырька, прежде чем наполнить его приготовленным раствором, Антип уже автоматическим движением подносил к пламени спиртовой горелки, всегда стоявшей на рабочем столе.

– Выходит, причина всех болезней в тех микробах, что попадают в человеческий организм? – допытывался у деда Антип.

– Причин заболевания столь же много, как и самих болезней, – отвечал ему старик. – Некоторые из них до сих пор до конца не ясны. Но я уверен, что со временем люди научатся лечить все болезни, в том числе и ту, которую мы называем старостью.

– И тогда люди не будут умирать? – удивленно спрашивал Антип.

– Кто знает, – уклончиво отвечал на это дед.

Предметом особой гордости старика являлся металлический шкаф, стоявший в кухне, который он называл термостатом. В термостате старик выращивал плесень. Чего Антип долго не мог взять в толк, так это то, каким образом с помощью плесени можно лечить больных.

– Я выращиваю не какую попало плесень, а определенные ее виды, – объяснял Антипу дед. – Те, которые при росте выделяют вещества, убивающие болезнетворных микробов. Это касается в особенности раневых инфекций. Больше половины воинов, раненных в бою, умирают не от самого ранения, а от инфекции, попадающей в рану. Лекарство же, которое я получаю из плесени, дает раненым шанс выжить.

– Для того, чтобы были раненые, нужна война, – заметил как-то раз Антип.

– Подлунная Империя настолько велика, что где-нибудь на ее территории всегда идет война, – ответил старик. – Если это не попытка захватить новые территории, то приграничная война с кем-нибудь из соседей из-за спорных земель. Кроме того, редкий год выдается без мятежа внутри страны.

Стенки у термостата были полыми, и по ним постоянно циркулировала вода, нагреваемая от жара печи и поступающая через подведенную снизу трубу. Интенсивность нагрева термостата можно было регулировать с помощью крана, перекрывающего доступ горячей воды в кожух. Плесень выращивалась в мясном бульоне, который старик варил из отборного мяса. С помощью Антипа старик процеживал бульон через несколько слоев чистой материи, после чего разливал его по стеклянным бутылкам, которые затем ставил в разожженную печь. Еще горячие бутылки, вынутые из печи, затыкались тряпичными пробками. Дав бульону в бутылках остыть, старик аккуратно вливал в него немного содержимого маленького пузырька, в котором содержался нужный вид плесени. После этого бутылки помещались в термостат. В обязанности Антипа входило следить за температурой в термостате и каждые полчаса интенсивно встряхивать бутылки. На второй день содержимое бутылей становилось мутным. Старик вынимал их из термостата, снова процеживал и полученный прозрачный раствор использовал для изготовления своего чудодейственного снадобья.

– Откуда тебе стало известно о целебных свойствах плесени? – спросил как-то раз у деда Антип.

– Мне рассказал о них один мой знакомый, – ответил тот.

– А как он это узнал?

– Не знаю, – пожал плечами старик. – Возможно, что из какой-нибудь книги. А может быть, от других ученых.

– Почему больше никто в мире не изготавливает это чудодейственное средство? – недоумевающе пожимал плечами Антип.

– Ну почему же, – улыбнулся старик. – Я не единственный, кто занимается микробиологией. Но, как ты сам видишь, для подобных занятий необходимы определенные знания, навыки и, что, пожалуй, самое главное, специальное оборудование.

– Откуда все это? – Антип обвел рукой лабораторию старика. – Ты сам все это придумал? На секунду старик задумался.

– И да, и нет.

– Как это понимать?

– В мире не существует ничего нового. Все слова уже были когда-то сказаны, все открытия сделаны, все земли найдены. Во времена Первой эпохи для человека не существовало непознанного.

– Но ты ведь сам утверждал, что познать мироздание до конца невозможно, – напомнил старику Антип.

– Верно, – задумчиво кивнул тот. – Кто знает, возможно, люди Первой эпохи настолько близко подошли к познанию первопричины мироздания, что это обернулось для них трагедией. Иначе чем еще объяснить то, что процветание Первой эпохи внезапно сменилось упадком и одичанием Второй, когда невежественные варвары уничтожали все, что было создано величайшими умами человечества. Во времена Третьей эпохи люди Бескрайнего мира постепенно, шаг за шагом, восстанавливали основы цивилизации. И вот сейчас, живя в Четвертую эпоху, мы пытаемся отыскать следы, оставшиеся от Первой, которые могут указать нам верные, порою неожиданные и парадоксальные пути развития науки и общества.

– Ты хочешь сказать, что все, чем ты здесь занимаешься, уже было сделано во времена Первой эпохи? – недоверчиво прищурился Антип.

– То, что делаю я, всего лишь детские игры по сравнению с тем, каких высот достигала наука Первой эпохи, – грустно улыбнулся старик. – Я пытаюсь восстановить то, что разрушило варварство, но сделать это совсем непросто, потому что от Первой эпохи не осталось никаких записей. Только разрозненные артефакты да нечисть, которая хотя и хранит память ушедших веков, но не желает делиться ею с людьми. Некоторую помощь могут оказать медиумы – люди, способные во время транса описать назначение того или иного артефакта Первой эпохи. Но по большей части эти описания весьма неясны и расплывчаты, поскольку медиумы, как правило, не обладают необходимыми познаниями в нужной области, так что в конечном итоге до всего приходится доходить своим умом.

По первому времени, слушая деда и помогая ему в работе, Антип мысленно задавал себе вопрос: а все ли в порядке у старика с головой? Вне всяких сомнений, старик был мудрейшим человеком, с каким только приходилось встречаться Антипу, но, как известно, у каждого старика имеется своя блажь. Так, может быть, дед возится с плесенью только из прихоти?

Однако вскоре Антип имел возможность убедиться в обратном. Едва только выпал первый снег, к дому потянулись гости. Редкая неделя обходилась без визитеров. Старик неизменно вежливо встречал каждого гостя, хотя Антипу со стороны было хорошо заметно, что не ко всем дед относится одинаково. Кого-то из гостей он оставлял ждать на пороге, пока вынесет им требуемое снадобье. Других заводил в дом, сажал за стол и, угощая чаем, долго о чем-то расспрашивал. Некоторые же из гостей задерживались в доме на день-другой. Тогда старик приглашал за стол и Антипа, которого представлял как своего внучатого племянника. Затаив дыхание, слушал Антип удивительные истории о неведомых землях, что рассказывали странные посетители.

Редко кто из гостей являлся с пустыми руками. Чаще всего старику привозили что-то из продуктов питания, которых было не достать вдали от мира. Старик вежливо благодарил посетителей и просил Антипа отнести продовольствие в погреб. Иногда привозили что-нибудь из одежды или предметов домашнего обихода, от чего старик также не отказывался. Но от всей души дед радовался, когда кто-нибудь из гостей, который, судя по всему, уже не впервые навещал его дом, привозил с собой какую-нибудь книгу, сосуд причудливой формы или что-либо иное из лабораторного оборудования.

Прежде Антип только слышал от купцов о том, что в Бескрайнем мире существуют люди, кожа которых черна, как уголь, или желта, как корка заморского плода лимона. Теперь же, глядя на гостей, прибывающих в дом деда, Антип мог и сам убедиться в том, что все эти истории были не досужими вымыслами. Каких только удивительных людей не повидал он за эту осень. Зачастую предметом удивления служил не столько сам внешний облик гостя, сколько одежды, в которые он был облачен. Оказалось, что далеко не все жители Бескрайнего мира отдают предпочтение рубашкам и штанам. Имелись и такие, которые носили женские юбки или же попросту особым образом оборачивали вокруг туловища большие куски материи. А разнообразие головных уборов, оружия и украшений было столь велико, что Антип зачастую терялся, не в силах понять, какой цели служит тот или иной предмет убранства гостя из далекой страны.

Еще начиная с осени Антип под руководством деда приступил к занятиям, которые, по словам старика, должны были избавить его от пагубного воздействия ножа вестника смерти. Но вплотную они занялись этим только после того, как зима замела снегом все проезжие пути и поток гостей практически иссяк. Суть занятий заключалась в том, что Антип учился отгораживать себя от мира невидимой стеной, созданной с помощью собственного сознания. Вначале ему было трудно понять, чего именно добивается от него дед, – он не видел никакой стены и не понимал, каким образом ее можно было выстроить.

– Ты должен освободить свой разум от ненужных мыслей, и тогда твое сознание само сделает за тебя всю работу, – говорил ему дед.

Но как только Антип приказывал себе ни о чем не думать, тотчас же десятки, а то и сотни самых разнообразных, зачастую глупых и никчемных мыслей всплывали у него в сознании. Вначале Антип пытался избавляться по очереди от каждой из них – отлавливал и давил, как муравьев. Но к успеху такая тактика не привела – вместо одной уничтоженной мысли незамедлительно появлялись три-четыре новые. Тогда Антип стал просто расталкивать их в стороны, и, как ни странно, вскоре это привело к успеху.

После того как Антип научился очищать свое сознание, дело пошло куда веселее. Вскоре он уже без особого труда мог вызвать в сознании любой образ, запах, цвет или звук, на который указывал ему старик. В соответствии с собственным желанием он мог видеть то, чего не существовало в действительности, слышать звуки неведомых миров, осязать предметы, которые никогда не держал в руках.

Как-то раз, уже в середине зимы, старик после окончания занятий принес шкатулку с ножом вестника смерти, открыл ее и велел Антипу взять нож в руку. С опаской Антип прикоснулся к витой рукоятке ножа. И ровным счетом ничего не почувствовал. Ни благоговения, ни душевного трепета перед предметом, наделенным магическими свойствами. Ни даже легкого волнения от осознания того, что нож, который он держит в руке, унес, должно быть, не одну сотню жизней. Теперь Антип мог убедить себя в том, что в руке у него самый обыкновенный нож.

– Отлично! – похвалил Антипа старик, искренне радуясь успеху ученика. – Теперь ты можешь оставить нож себе. Но помни, что, беря его в руку, ты неизменно должен сохранять хладнокровие, спокойствие и душевное равновесие. Только в этом случае нож не сможет заставить тебя делать то, чего ты сам не желаешь.

– А может быть, пусть он пока еще полежит в шкатулке? – робко предложил Антип.

– Нет, – дед решительно захлопнул пустую шкатулку и запер ее на ключ. – У тебя не должно быть страха перед ножом.

– Да я и не боюсь его, – пожал плечами Антип. – Просто... Ну, нет у меня еще пока окончательной уверенности...

– А без ножа ты ее никогда и не обретишь, – заявил старик.

– Ну, раз так...

Антип посмотрел на лезвие ножа. Повернув его чуть в сторону, он увидел в нем свое искаженное отражение. Оно было похоже не на человека, а на удивительно безобразное существо, которому не существовало названия. С вытянутой головой, длинным носом и острыми ушами, оно не могло вызвать ничего, кроме чувства гадливого отвращения.

Быстро перевернув нож острием вниз, Антип сунул его за голенище.

– И что теперь? – спросил он у старика.

– Будем продолжать учебу, – ответил ему дед.

Теперь, когда Антип уже неплохо понимал язык Подлунной, старик стал давать ему читать книги. Дед считал книги бесценным сокровищем, и то, что он решил поделиться ими с Антипом, свидетельствовало: парень теперь не только вызывает у него интерес, как при первой встрече, но и заслужил некоторое уважение своим усердием и искренним стремлением к новым знаниям. Книги были написаны тяжеловесным, сложным для восприятия языком, но Антип старательно вникал в них, порою перечитывая особо сложные места по несколько раз. А когда книга бывала прочитана, он обязательно обсуждал ее со стариком, который обладал удивительным умением объяснять сложные вещи простыми и ясными словами.

К концу зимы, когда морозы уже начали ослабевать, снег повалил с такой невиданной силой, что дом за ночь замело по самые окна. Едва ли не каждый день Антипу утром приходилось надевать овчинный тулуп, который специально для него привез по заказу деда один из гостей, и, выбравшись на улицу через чердачное оконце, разгребать лопатой снег, занесший за ночь крыльцо и входную дверь.

Как-то раз, вернувшись в дом, Антип поставил лопату в сенях, скинул тулуп и, открыв дверь в комнату, с порога спросил у старика:

– Что такое время?

– Разве ты не знаешь этого? – удивленно взглянул на него дед. – Продолжительность того или иного процесса, которую мы измеряем секундами, минутами, часами...

– Я не о том, – тряхнул головой Антип. – В этой книге, – сказал он, приподняв толстый том в переплете из телячьей кожи, которую пару дней назад дал ему дед, – говорится, что время – это одна из форм существования материи.

– Это так, – согласно наклонил голову старик.

– Но мы не можем ощущать время ни одним из органов чувств, – возразил деду Антип. – Следовательно, время – величина не материальная.

– Мы не можем физически ощутить время, потому что оно слишком плотно связано с другими видами материи. Мы можем только косвенно воспринимать его присутствие, наблюдая за процессами, происходящими с окружающими нас физическими телами. Да и наши собственные тела также подвержены разрушительному воздействию времени.

– Но само время бесконечно, – сказал Антип. И после секундной паузы добавил: – Если верить тому, что сказано в книге.

– У меня нет причин сомневаться в этом, – как всегда, немного лукаво улыбнулся старик.

– Следовательно, время не имеет ни начала, ни конца, – продолжал гнуть свою линию Антип.

– Получается, что так, – с беспомощным видом развел руками дед.

– Но это противоречит элементарному здравому смыслу! – возмущенно воскликнул Антип. – Все сущее имеет начало и конец!

– А что ты скажешь о кольце? – поинтересовался старик.

– Ты хочешь сказать, что время замкнуто в кольцо? – уточнил Антип.

– Я всего лишь предлагаю тебе рассмотреть подобную возможность.

И старик рассказал Антипу следующую историю:

«Странник не помнил начала пути, как не помнит никто из живущих минуты своего рождения. Не знал он ничего и о том, кто и по какой причине обрек его на вечное скитание по бесконечной Дороге Времени. Что это – дар или наказание? Или, может быть, просто игра случайности? Глупая шутка судьбы? Но тогда что такое судьба? Кто или что стоит за этим словом? Есть ли хоть какой-то смысл в том, что перед его всегда широко открытыми, как будто удивленными глазами проходит вся история человечества?

Когда? – Кто? – Зачем? – Почему? – Кто? – Когда?..

Все эти вопросы возникли, чтобы больше уже не отпускать позже, когда Странник в полной мере осознал свою уникальность, свою непохожесть на остальных – на тех, кто окружал его, жил рядом с ним, говорил на понятном ему языке, рос, старился и исчезал, уходя во тьму, в небытие.

Какое невероятно огромное количество синонимов придумано для слова «смерть», думал Странник. Казалось бы, почему не называть вещь своим именем? Тем более что и слово само вовсе не плохое – мягкое, перекатывающееся между языком и небом, как переспелая ягода черники, вот-вот готовая лопнуть. Но нет же, для обозначения такого простого и ясного понятия появлялись и появляются все новые и новые словесные обороты, как будто, изменив ей имя, можно обмануть и саму смерть, старуху с косой (почему именно старуха? и отчего – с косой, а не, к примеру, с топором? да мало ли еще существует способов и средств лишения жизни) или черного всадника на вороном коне (все те же вопросы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.